

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ **МУЖСКАЯ РАБОТА**

Михаил Нестеров

Мужская работа

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119665
Нестеров М. Мужская работа: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-03198-7

Аннотация

Их восемь человек – спецназовцев ГРУ, выполняющих свою обычную работу. Все специалисты экстра-класса: снайпер, радист, подрывник... При необходимости любой может заменить товарища. А такая необходимость вполне реальна, ведь стоящая перед ними задача невыполнима без смертельного риска. Они должны проникнуть во дворец Саддама Хусейна и взорвать его вместе с секретной химлабораторией. Облаченные в пустынный камуфляж, диверсанты скрытно подбираются к объекту. Снайпер убирает следящих за подступами к дворцу «Хранитель пустыни» наблюдателей. Рывок во дворец. А дальше – неизвестность...

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	15
3	21
4	30
5	40
Глава 2	50
6	50
7	54
8	65
Глава 3	70
9	70
10	75
11	78
Глава 4	81
12	81
13	87
14	94
15	99
Глава 5	101
16	101
17	106
18	110

Конец ознакомительного фрагмента.

Михаил Нестеров

Мужская работа

Автор выражает особую признательность газете «Независимое военное обозрение», еженедельникам «Совершенно секретно», «Итоги», «Коммерсантъ ВЛАСТЬ»; авторам книги «Подготовка разведчика» Анатолию Тарасу и Федору Заруцкому, а также полковнику Службы внешней разведки РФ и автору романа «Иуда из Ясенева» Борису Кондакову; автору книги «Да, я там работал» полковнику КГБ в отставке Евг. Григу (литературный псевдоним) за использование их материалов в своей книге. Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Если хочешь добыть тигрят, надо идти в логово тигра.

Корейская поговорка

Глава 1

«ЗЕРКАЛО ТРЕСНУЛО»

1

**Московская область, 2 декабря
2002 года, понедельник**

Капитан Алексей Хайдаров проснулся в холодном поту. Ему снова приснился кошмар. Насыщенный реальными событиями, сон был из давнего прошлого и оставил в душе командира группы спецназа неприятный осадок, даже вызвал дурное предчувствие. Скоро очередная командировка в Ирак; о настроении можно не говорить – какое есть, такое и есть. Настрой? Настрой дело другое, он похож на пружину: хорошо закаленная, выпрямится в мгновение. Насчет закалки у бойцов подразделения спецназа все было в норме.

Старый сон и закалка. Все это явь, казалось бы, оставшаяся в прошлом. Но вот она подобралась змеей, неслышно, во сне... как в последнюю минуту...

Алексей так до конца и не понял, зачем он здесь, в учебном центре спецназа? Комплектует диверсионную группу? Глупость, конечно: этим «комплектующимся», проходящим

срочную службу, до диверсантов так же далеко, как до Пекина.

Почти месяц капитан Хайдаров торчит в учебном центре, спит по привычке в казарме, приглядев место рядом с сержантским составом. И вот сейчас, когда он встал с кровати, первым делом покосился на дневального, вытянувшегося у тумбочки при виде проснувшегося командира. Так и хотелось сказать ему: «Чего ты всполошился?.. Стой нормально, пока к тебе не подойдут».

Время – половина шестого, через полчаса подъем. Будущие спецназовцы, увидев старшего инструктора Хайдарова, зашлепают губами: «Чурка!» Рожденный от матери-таджички и отца-хакаса, Алексей, сам начинавший с учебки, буквально читал мысли каждого курсанта. В июне ему стукнуло тридцать, в этом возрасте некоторые уже носят полковничьи погоны. Исключение, конечно, и для Алексея это само по себе не имело принципиального значения. По большому счету его мало трогало, сколько звезд на его погонах и какого они размера. На униформе, в которую он частенько переодевался, не сыщешь и знаков отличия. Вот и на этой простой желто-зеленой полевой куртке, надетой поверх майки, не было даже погон.

Бросив на плечо полотенце, капитан прошел в умывальник. Как и все офицеры в полку, он ложился позже солдат, а вставал раньше. Не всегда высыпался, паршивое настроение умело прятал за внешней суровостью. Заправив постель

и одевшись, он вышел на морозный воздух и закурил сигарету. Дежурный свет в казарме давал Хайдарову возможность видеть, как дневальный будит командиров взводов и отделений. Когда в снег полетел окурок, из казармы донесся громкий голос дежурного: «Рота, подъем!»

Ровно через две минуты рота – форма одежды голый торс – выстроилась перед казармой. Напряженные от холода тела – вот этого больше всего не переносил Хайдаров; когда холодно, нужно расслабиться. Сколько раз он говорил об этом курсантам, и все без толку. Так, сощурился он, процедуру стояния на морозе придется продлить.

Алексей нарочито медленно прошелся вдоль первой шеренги, слушая мерный стук зубов замерзших солдат, покрытых гусиной кожей. Он был для них не старшим инструктором, а просто чуркой, пришлой сукой. На сегодня он запланировал одно мероприятие и сейчас выбирал отделение; большой толпой, хотя бы взводом, на такие акции не ходят. Собственно, чего гадать? Капитан остановился напротив второго отделения второго взвода и скомандовал: «Отделение, шаг вперед!» Когда двенадцать человек выполнили команду, Хайдаров смягчил им утреннюю нагрузку: вместо десяти кругов по стадиону – пять. Остальные – то ли от зависти, то ли от злости, а скорее всего, от холода взяли такой темп, что Алексей не удержался от улыбки. Он пошел в штаб, чтобы узнать у дежурного, заказал ли тот автобус. Ровно в восемь двенадцать курсантов под командованием капитана

Хайдарова выехали из расположения части в окружной военный госпиталь.

...Хайдаров стоял напротив цинкового стола и равнодушно смотрел на то, что происходит на нем. Прозектор, одетый в клеенчатый халат цвета нарыва, производил вскрытие военнослужащего, скончавшегося в госпитале. Что-то вроде сукровицы брызгало из-под хромированных ножниц, похожих на секатор, которыми прозектор вскрывал грудную клетку покойника.

Рядовой Николай Евдокимов согнулся пополам, и его дико вывернуло. Зажимая рот рукой, он кинулся к выходу, но Хайдаров, одетый по этому случаю в униформу с летучей мышью на шевроне, одним лишь окриком заставил бедолагу вернуться на место:

– Назад!.. Смотреть! Смотреть, я сказал! – Не брезгуя, инструктор спецназа схватил молодого бойца за облеванную куртку. – Ты будешь смотреть до тех пор, пока меня не стошнит. Завтра ты будешь смотреть и жрать свою пайку. Послезавтра будешь собирать со стола кишки. Еще через два дня...

Прозектор к подобным крикам в морге уже привык. Он даже не взглянул на матерого диверсанта и салагу, который вскоре тоже превратится в подобие бездушной машины. И жрать будет при вскрытии трупа, и внутрь раскрытых черепов заглядывать, и кишки собирать. Порою еще теплые, исходящие паром и пахнувшие кипяченой мочой, порою холодные и почти без запаха. Будет резать глотки бродячим со-

бакам, пить кровь забитых кроликов, есть их мясо – не будет огня, нарежет и высушит тонкие ломтики на ветру, в крайнем случае сожрет сырым.

В морге военного госпиталя частенько залеживаются неопознанные трупы; иногда по ошибке гражданских привозят, порой находят кого-то в военной форме и – лишь бы сбагрить. А когда «срок хранения» заканчивается, спецназовцы отрабатывают на них удары ножом и саперной лопаткой. Важно, чтобы рука привыкла к хрусту человеческих ребер и хрящей, а не собачьих, к примеру; важно видеть перед собой пусть мертвого, но все же человека. Вот его шея, вот голова: нужно взять ее двумя руками и сломать шейные позвонки. Закоченевшему трупу сломает, а живому и подавно: ткани-то у него мягкие, хотя и напряженные.

Покойники не кричат, кричит обычно сержант-инструктор: когда во все горло, когда хриплым шепотом умирающего, а когда просто мычит. А курсанты в это время колют трупы ножами, бьют малыми лопатками, ломают шеи голыми руками, бьют в голову тяжелыми ботинками. Эти уже более или менее обкатанные, на запахи распластанного трупа реагируют как на собственное дерьмо.

– Никифоров! – чуть насмешливо выкрикнул Хайдаров, прищурившись на самого стойкого из курсантов. – Молодец! Завтра с родителями придешь.

Несмотря ни на что, обычно смуглое лицо капитана сейчас было бледным, и то не от мерклого света покойницкой,

а отчасти от самой процедуры вскрытия и старого кошмара, который дал знать о себе сегодня ночью. Капитан видел себя на месте рванувшего из морга молодого спецназовца. Только Хайдаров много лет назад остался на месте. Его удерживала не рука сержанта-инструктора, а дьявольская длань, лежащая на затылке и вызывающая дрожь во всем теле. Он ноющим нутром понимал, что ему нужно устоять, что в дальнейшем ему это пригодится, точнее, без этого ему не выжить. Вот тот день снился Алексею нынешней ночью.

Ему бы пора успокоиться: кошмар – не что иное, как запланированное мероприятие в морге. Вот если бы он не планировал его, тогда другое дело.

Молодые бойцы вышли из морга и полной грудью вобрали в легкие сладкий морозный воздух. Капитан, размяв сигарету в пальцах, которыми он хватал облеванную куртку спецназовца, угостил курсанта. Но что такое рвота товарища по сравнению с розовой жижей, которая брызжет из-под скальпеля прозектора-мясника и попадает на лицо? Желторотый курсант сунул сигарету в рот и полез за спичками.

– Евдокимов! – не унимался Хайдаров. – Ты воздух испортил? Молодец! Потому что я ничего не слышал. Но унюхал – это плохо. В следующий раз разгоняй воздух руками.

В этом подразделении спецназа ГРУ учили всему, даже как бесшумно спускать газы, раздвигая пальцами ягодицы.

Как по поведению птиц и животных определить находящегося рядом человека. Как предсказать погоду по росе, вет-

ру, луне, по цветам, по углям в костре, по температуре воздуха, по поведению птиц и насекомых. Как по следам, оставленным на земле, определить их давность, начиная с минут и кончая сутками. Как определить направление боевой техники и транспортных средств. Знать расстояния между гусеницами и ширину гусениц американских танков «М60А1», «М1»-«Абрамс», «М-551»-«Шеридан», немецкого «Леопарда», английских «Чифтен», «Челленджер», «Центурион», «Скорпион», французских «АМХ». А также БТРов, БМД, самоходной артиллерии. Знать, на какой базе конструктивно выполнены образцы техники – мостоукладчик это или саперный танк.

Боец РДГ (разведывательно-диверсионная группа) ГРУ должен уметь все: прыгать с парашютом, десантироваться по канату, управлять дельтапланом, парапланом; уметь ориентироваться на любой местности; определять по внешнему виду любое оружие и знать его тактико-технические характеристики; по форме одежды и знакам различия определять принадлежность личного состава противника, по звукам определять местонахождение, численность и характер действий противника, уметь пользоваться его оружием и техникой; владеть всеми способами разведки: наблюдением, подслушиванием, засадами, налетами, разведкой боем; совершать длительные марш-броски, метко стрелять, далеко и точно метать нож и гранату, в совершенстве владеть приемами рукопашного боя; знать военную терминологию на язы-

ке противника, иметь навыки перевода документов, допроса пленных; уметь наводить авиацию на стационарные и движущиеся объекты противника, устанавливать радиомаяки; знать характеристики взрывчатых веществ и средств взрывания, уметь готовить заряды из подручных средств. И многое, многое другое. Ведь подавить чих или кашель, находясь в непосредственной близости от противника, тоже надо уметь.

Да, не суждено этим салагам хоть одним глазком взглянуть на диверсионную группу капитана Хайдарова; пожалуй, это равносильно краткосрочному отпуску на родину или медали на грудь. Его спецкоманда прежде всего была именно командой, машиной, не чувствительной к чужой боли, агрегатом, который проедет по трупам и не заметит, командой, способной выполнить любое задание в тылу противника. Однако универсальных бойцов по большому счету не было. Гюрза – снайпер и артист холодного оружия. Брат-1 – художник подрывного дела, Брат-2 – спец по связи, охранным сигнализациям. Плут – «военный альпинист», для него не существует непреодолимых стен и крыш. Моджахед – следопыт, классный стрелок. Али-Баба – виртуоз по вождению колесной и гусеничной техники. Нафтизин – эксперт по рукопашной. Но все они в той или иной степени могли заменить друг друга.

Возвратившись из окружного госпиталя, капитан Хайдаров первым делом отправился к командиру части, молоджавому полковнику Стрельникову, чтобы раз и навсегда решить

наболевший вопрос. В конце концов, ему надоела работа на подхвате – мало ли кто уволился или не хватает специалистов в полку. У него есть работа; а пырять за того парня у него желание отбило напрочь. Хотя сам дал слабину, не нужно было соглашаться на месячную командировку в учебный центр. Он и его команда из-за этого пропустила свою смену – придется отработать. Но не в этот раз. «Только не в этот раз», – просил, сам не зная у кого, Хайдаров. После месяца холодов он не выдержит месяца жары в иракской полупустыне.

Разругавшись с командиром полка в пух и прах, Алексей хлопнул дверью; однако в этот же вечер ему не разрешили уехать домой: в центре он проторчал еще два дня, вплоть до начала очередной командировки в Ирак.

2

Копенгаген, Дания, 7 декабря, суббота

Приняв душ, Борис Роцин бросил беглый взгляд в зеркало. То было не совсем обычное зеркало, словно подобранное хозяйкой, сдававшей квартиру на Хольмвайене российскому дипломату, для блажи квартиранта. Оно находилось в широкой прихожей, напротив ванной комнаты, и показывало отражение смотрящегося в него человека в полный рост. Возможно, нестарая еще домовладелица придирчиво, в отличие от постояльца, разглядывала свою обнаженную фигуру – с капельками воды на упругом теле, с мокрыми волосами; проводила рукой по животу, касалась трепетной груди и шеи, трогала плечи и бедра.

Однажды Роцин обозвал ее про себя сладострастной сучкой и по сей день бросал отражению слегка возбуждающие слова. Они не звучали откровенно похотливо, но эротично. Он видел в зеркале действующую модель машины времени. Ведь отображение не сразу попадает на сетчатку глаз, а через пусть ничтожные, но все же мгновения. В зеркале всегда прошлое – всегда. Прошлое то в движении, то неподвижное, иногда ленивое, а иногда неутомимо-стремительное; не понравилось выражение лица, можно сменить его, не пришлось

по душе одежда – вон ее, заметил жирок на животе – получил распоряжение встать к тренажеру, отметил мешки под глазами – поймал приказ: «Надо меньше пить».

Сладострастная сучка...

Борис смешливо поморщился: видеть перед собой тело сорокасемилетней хозяйки из прошлого – для Рощина было делом затруднительным.

Краешком полотенца Рощин промокнул мокрый лоб, щеки, шею, высоко приподняв подбородок; потянулся, заводя плечи назад, и обвязал полотенце вокруг бедер. Покидая мимолетное место встречи с прошлым, дипломат бросил взгляд на свои ноги, не уступающие в своей грациозности ногам Рудольфа Нуреева, отметил маленькие изящные щиколотки, тонкие пальцы с тщательно обработанными ногтями, розовые после горячей ванны пятки.

Пройдя в комнату, Борис с неудовольствием отметил следы пребывания своего любовника: небрежно затушенные сигареты в пепельнице, винные пятна на скатерти – что, кстати, является неким признаком шарма; идеально чистая скатерть – это девственница, не способная доставить истинного наслаждения, она должна нести на себе следы прошлого – тех же винных пятен и следов от сигарет. Она должна иметь свой запах; а чем пахнет девственница? Да ничем. Разве что до безобразия стерильным бинтом.

Девственница не может родить истинных эротических мыслей и желаний, больше она настраивает на насилие, на

кровь.

Полчаса назад все в этой квартире было по-другому. Но удовлетворение – штука капризная: когда оно приходит, призывает отдать все, буквально снять с себя последнюю рубашку, трусы, а когда поворачивается задом – оставляет в недоумении: «Что это со мной было?» Слабость в двух ее проявлениях: любовь и страсть, квелость и астения.

Набросив на плечи халат, Рощин сложил на поднос рюмки, пустую бутылку, апельсиновые корки, надкусанное яблоко, смахнул со стола бисквитные крошки. По пути на кухню прихватил с кровати выжатый тюбик увлажняющего крема. В связи с этим, непроизвольно краснея, вспомнил свой первый опыт с женщиной – давно это было, когда Борис учился в МГИМО. В тот раз, за неимением под рукой крема, полупьяный партнер воспользовался корейским бальзамом «Звездочка». Боже, как он орал тогда!..

Вице-консул поставил на огонь турку и у плиты ждал, когда закипит вода. Смотрел на ее движение, на мелкие пузырьки, зарождающиеся на самом дне, как они отрываются и взмывают на поверхность, чтобы стать частью атмосферы. Похоже на человеческие жизни: куда и зачем стремятся они? И вот в турке уже водоворот; апокалипсис? Похоже на то. Народы, нации, отдельные человеческие жизни выкипают на глазах.

Рощин любил вот так рассуждать, казалось бы, ни над чем. Цеплялся, как паук, за край паутинки и плел из нее сложную

сеть. Путаясь, а чаще запутываясь, в нее попадали другие мысли и образы. Все зависело от настроения.

Высыпав в кофейник ложку молотого кофе, Борис снял его с плиты и пошел одеваться. Оросив себя дезодорантом с терпким запахом лимона и кориандра, надел майку, белоснежную рубашку, длинные, больше похожие на гольфы, черные носки. Поставив ритмичную вещь «You Are Love» группы «Lovetronic», сделал первый глоток крепкого кофе. Сколько помнил себя, всегда любил электронную музыку и хороший женский вокал, а в последнее время – в меру синтезированный голос. Наверное, и оттого, что не хотел вслушиваться в слова, понимать их смысл не ушами, а телом, которое, как нейтрино, подвергалось размеренной мелодической бомбардировке. «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?»

Сегодня он не планировал встречу с бойфрендом, но тот пришел, вызвал желание, съел апельсин, надкусил яблоко, запил бисквиты вином, игриво потрепал за щеку, подмигнул и удалился. Вообще же, возвращаясь к опыту, Роцин имел однополую связь пять раз.

Через час он предполагал встретиться с Зиновием Штерном. Штерн – сорокавосемилетний обрюзгший тип с блеклыми сероватыми глазами и вечно мятыми полами пиджака – был доверенным лицом Антона Альбаца. В этот раз Роцин потребует за услуги большую сумму, ибо информация, которой он обладал, не только вызовет живейший интерес у

Антонна, но и насторожит его. Если не сказать больше.

Когда молодой вице-консул ютился в жилых помещениях посольства, он частенько поглядывал из окна на свой подержанный «Опель». Сейчас он, с мятым правым крылом – занесло на мокрой траве в парке, – стоял в гараже. Когда Борис вернется в Россию, купит более современную модель – например, «Вектру». Но полюбившейся марке не изменит. Отличная машина с легким ходом и управлением, со стремительными обводами капота и крыльев, не грузная с виду, как большинство «Мерседесов» и «БМВ».

На самом деле снимать отдельный дом в Дании – это не дорого, по карману оперативным сотрудникам разведки. У Рощина же не было семьи, все деньги он тратил на себя.

Сегодня выходной. За исключением планируемой встречи со Штерном – день свободный от забот. Может, повезет, и Зиновий уже сегодня вручит ему аванс. Можно будет посидеть в ресторане дольше обычного, заказать дорогого марочного вина, проглотить крохотный бутерброд с черной икрой за баснословную сумму.

Нет, под черную икру лучше заказать шампанского. Точно, нужно так и сделать.

Мысленно Борис уже находился в ресторане; и музыка – сейчас из колонок доносился джазовый ремикс «Spanish Storm» – как бы звучала с маленькой сцены.

Рощин заторопился. Не допив кофе, поставил чашку в раковину. Завязав перед зеркалом желтоватый галстук, улыба-

нулся своему двадцатисемилетнему отражению. Лазоревый глаз подмигнул из прошлого, и Борис, закрывая дверь, устремился в будущее.

3

Зиновий Штерн поджидал дипломата на углу Каттегордалле и Видоуревай. Роцин приехал к месту встречи со Штерном проверочным маршрутом. Как и все работники российского посольства, он в начале своей карьеры подвергся проверке и местных спецслужб, и английской и американской разведок. Там наперечет знали «чистых» дипломатов и тех, кто работал под прикрытием. Третий секретарь посольства Борис Михайлович Роцин месяц таскал за собой «хвосты»: куцые – местных органов, длинные и надоедливые – англо-американского блока. И вот уже третий год он только изредка замечал за собой слежку чисто профилактического характера. Сегодня, привычно маневрируя по улицам Копенгагена, он в очередной раз убедился, что наблюдения за ним нет.

Как всегда, Штерн занял место на заднем сиденье «Опеля», бросив традиционное: «Покрутись по городу». Для него такие слова – игра. Несомненно, он был важным человеком, но хотел еще быть и бонзой от разведки. Хотя черт его знает, в лоб у него об этом не спросишь. Однако должность резидента в компании Антона Альбаца выхлопотал себе давно. Он стоял у истоков создания преступного синдиката, который сразу же занял одно из ведущих мест на мировом черном рынке торговли оружием. Сейчас на Штерне лежали две

другие основные обязанности, они же – составляющие организации: циркуляция денег и обмен информацией. Планирование лежало на плечах вдохновителя картеля – Антона Альбаца.

Грузный, пахнущий потом, тяжело, как астматик, дышащий носом Штерн – украинец и еврей в одном лице – опустил стекло и закурил тонкую сигару. «Благовоние», – подумалось сидящему за рулем Борису. Дым от дорогой сигары если и не отбивал «еврейского» запаха, то скрадывал его, делая почти незаметным. И сам Штерн в такие минуты словно перерождался: шумное сопение казалось естественным выдохом ароматного дыма, толстые капризные губы придавали ему солидность, а мятый пиджак, как ни странно, добавлял ему авторитета.

Но все это внешние признаки, внутри же Зиновий Штерн – а в кругу друзей и за глаза просто Зяма – всегда оставался хитрым и жестоким. Именно украинско-еврейская порода, как окрестил ее Борис, лежала, как и положено, в основе его сущности. Он легко (опять же по мнению Рощина) мог переqualificироваться в киллеры. Может, сам он никогда не убивал, но на его совести тысячи жертв. Что стоит такому человеку самому взять в руки оружие? Он не чистюля, как его босс, – у Антона Альбаца даже внешность карьерного израильского дипломата. Рощин дважды встречался с ним и оба раза ловил на себе отнюдь не дружеские взгляды торговца оружием. Нет, его глаза с поволокой откровенно не

расстегивали ширинку на штанах третьего секретаря, но они были буквально наводнены пониманием и даже одобрением. Была ли в них солидарность?

Отчего вдруг пришли такие мысли, Роцин не понимал – ведь никто не знал о его бисексуальной ориентации. Тогда же Борис подумал, что смотрит на людей по-другому, ведет себя с ними иначе. Что, природа делает свое дело? Может, оттого ресторанные проститутки, за редким исключением, не предлагают ему свои услуги? Не сами глаза, но их энергетика выдает человека с головой. Это как запах. Да, все так, хотя весьма и весьма преувеличено.

Штерн сильно картавил и окал – жуткая смесь. Отвечая на его вопрос, Борис едва сдерживал себя, чтобы не ответить так же: «Инфогмация стоит недешево».

Рачительный еврей пренебрегал своим здоровьем – курил жадно и часто, а сейчас еще и на сквозняке. Содрав слюду с упаковки сигары, прикурил от массивной зажигалки.

– Откуда ты узнал? – спросил он.

– В нашем посольстве очень многое можно услышать.

– Очень – меня не интересует. Давай подробности.

Борис остановил машину и повернулся к Штерну впол-оборота.

– Даже в Москве не дают.

– Не надо продавать мне kota в мешке, – скривился Зяма. – Бесплезно мне описывать товар. За контрактное ба-рахло я не выложу ни копейки. Я всегда плачу за живой то-

вар. И последний момент, Боря: кроме меня, твои новости никому не нужны. А с благотворительностью я завязал после смерти своей бабки: она умерла в мой первый день рождения.

Трудно общаться с такими людьми, покачал головой Борис. Какие, к черту, дипломатические приемы, когда тебя откровенно берут на понт!

– Ладно, – кивнул он, – источник – мой шеф, заведующий консульским отделом посольства. – Роцин говорил о Вячеславе Лучкине, заместителе резидента по вопросам внешней контрразведки и безопасности. Роцин представлял службу нелегальной разведки СВР и, будучи у Лучкина в непосредственном подчинении, оперативно замыкался на нем.

– С чего это консул разоткровенничался с тобой? И где? Не на мятых простынях?

– Слушай, ты!

– Ты слушай. Я все про тебя знаю, кентавр. Вплоть до магазина, в котором ты отовариваешься прокладками.

«Сволочь!» – скрипнул зубами Роцин. Лицо его полыхало. Он буквально видел себя со стороны, задыхающегося не от нехватки кислорода, а от его избытка в груди. Невидимая, но вполне осязаемая волосатая рука Штерна сдавила горло и не давала дышать. Проститутка, все видевшая насквозь! Был бы пистолет под рукой, пристрелил бы этого мерзавца!

Сегодняшняя встреча с приятелем медленно – как назло,

медленно – проплывала перед глазами и стоп-кадрами останавливалась на самых интересных местах. Он видел все глазами подонка Штерна, подсматривающего в замочную скважину.

Боже, какой позор!..

Нет, был бы пистолет, выстрелил бы вначале в себя, а уж потом в эту мразь.

Кентавр... Почему кентавр? И мужик в доме, и скотина в сарае?

Сука!

Уши Рощина налились кровью, словно кто-то подсвечивал их сзади фонариком. И за щеками, наверное, по лампочке. И неизвестно, молчание Штерна – это хорошо в данной ситуации или больше пошло бы на пользу его оскорбления?

– Если надо будет, я тебя продам, – сообщил он после долгой паузы. Сунув руку в карман пиджака, Зиновий вынул почтовый конверт. Обычно в конвертах передают деньги, но Рощин точно знал, что сейчас внутри нечто иное. Одну за другой Штерн вынимал из конверта цветные снимки, сделанные в гостиничном номере на Ньёрре Вольдгаде, и бросал их через спинку сиденья. – Можешь думать, что мы готовы удавиться за копейку, но босс велел сделать так, чтобы впредь тебе не платить. Возможно, мы прогадали и затраты на специалиста-фотографа не окупят себя. Вот хороший снимок. – Штерн держал в толстых пальцах последнюю фотографию. – Ты что, брешь задницу, или она у тебя от

природы лысая?

– Хватит! – оборвал его Роцин, попавшийся в так называемую «медовую ловушку»; не он первый, не он последний, кого таким вот примитивным, но всегда действенным способом ловят в капкан. – Хватит, – уже тише добавил он. – Наверное, вы действительно готовы удавиться за копейку.

– Да, чуть не забыл насчет намыленной веревки. Надумаешь вздернуться, помни о том, что точно такие же фото расклеят в МГИМО, где преподает твоя мать.

– Что?.. Что ты сказал? – Роцин беспомощно покачал головой: – Нет, ты не сделаешь этого.

– Нет?.. – Штерн цокнул языком. – Я уже говорил тебе, что я деловой человек и могу продать тебя. Хочешь работать на американцев? Не надо, не смотри на меня так и христосиком не прикидывайся. Ты не работал на иностранную разведку – это ты хочешь сказать? Но у нас есть своя разведка, контрразведка. Не слышал? Так что двушкой с отсрочкой приговора ты не отделаешься, пойдешь на пятерку с плюсом. Советую сразу ломиться в хату для «обиженных», иначе потом хуже будет.

– Чего вы хотите?

Штерн гнусаво рассмеялся. Именно такими словами чаще всего и дают согласие работать на ту или иную организацию. Пока он перхал, прикуривая очередную сигарку, Роцин вернулся к прежним мыслям. «Покрутись по городу», – сказал Штерн. Нет, он не играл, как думал о нем Борис, а забав-

лялся над уже давно проигравшим оперативным сотрудником внешней разведки. Неважно, кто делал снимки, важно, к кому они попадут. Штерн облегчил чью-то работу и вправе рассчитывать на определенную сумму. Но почему только сейчас он раскрыл карты? Снимки были сделаны два... нет, два с половиной месяца назад, а за это время Рошин встречался со Штерном несколько раз. Впрочем, Зиновий поступал правильно, не гнал события, но руку всегда держал на кармане пиджака. И как только третий секретарь посольства попытался встать в стойку, он тут же набросил на него строгий ошейник. Строже не бывает: позор на матери, друзьях семьи, многочисленных знакомых. Как убежать от этого? Куда скрыться?

Сейчас перед Рошиным действительно находился резидент – даже не вражеской разведки, а преступного картеля. Почему в голове никогда не возникало мыслей о вербовке? Или хотя бы о перепродаже? Продавая кое-какую информацию – когда секретную, а когда нет, – особо совестью не мучился, виделся себе спекулянтom, не более того. Упаси бог – предателем. За исключением сегодняшнего дня, не назвал ни одной фамилии сослуживцев.

– Теперь поговорим детально, – как сквозь вату услышал он картавый голос собеседника. – Кто именно заинтересовался моим боссом? – Штерн подобрал с коврика упавшую фотографию и бросил ее на переднее сиденье. – Собери снимки в конверт. Ну, так кто?

– Имени его я не знаю. Под него готовится тайниковая операция. В ней будут задействованы порядка десяти оперативников и пара «чистых» дипломатов. Со слов Лучкина, он профессионал, работник спецслужб.

– Что будет заложено в тайник?

– Автомат «галил», – начал перечислять Роцин, – с какой-то приставкой – «мар», кажется. Два магазина к нему...

Зиновий Штерн непроизвольно кивал. Как никто другой, он был знаком с этим типом оружия. «Галил» «МАР (MAR)» выпускается израильским военно-промышленным предприятием (ИП) «Рамат ха-Шарон». Вес – около трех килограммов с пустым магазином. Калибр 5,56, патрон 5,56x45. Длина 690 миллиметров с прикладом, 445 – со сложенным прикладом. Магазин – съемный рожок на тридцать пять патронов. Темп стрельбы – 650 выстрелов в минуту. Начальная скорость пули – 710 метров в секунду. Штыка нет. Ствол укорочен, шесть канавок, закрученных вправо. Безотказно действует как в условиях пустыни, так и в сыром климате.

Штерн продавал эти автоматы в Буркина-Фасо, неплохо они расходились и в Коста-Рике.

– Снайперская винтовка «СВД»...

Ну, этот тип оружия, с прицельной дальностью с оптическим прицелом 1300 метров, знает каждый, продолжал кивать Штерн.

– Пятьсот граммов пластита, детонаторы, инициатор взрыва, пульт дистанционного управления.

– Все?

– Нет. Пистолет «сигма» с глушителем и... из оружия больше ничего. Деньги – сколько именно, не знаю. Документы, кажется.

– Кажется или?..

– Об этом я не слышал, но однажды принимал участие в аналогичной тайниковой операции. Закладывали гранатомет, одежду, деньги и документы. Для кого это все предназначалось, сказать не могу. Просто не знаю. Вероятно, и в этот раз документы вошли в список.

– Теперь повтори еще раз дословно, что сказал консул про моего босса?

– Дословно? – переспросил Рощин. – Консул разговаривал с резидентом, я услышал конец фразы: «Издец Антону Альбацу!»

Киль, Германия, этот же день

Все, что увидел Андрей Прозоров при встрече с Вадимом Салнынем, совпадало с характеристикой на бывшего офицера КГБ. Внешность латыша гармонировала с его же пасмурными шутками. Он был, безусловно, умным человеком – хотя в 7-м управлении КГБ (слежка за советскими гражданами – валютчиками, особо опасными преступниками, фарцовщиками) ум следовал за нижними конечностями: волка ноги кормят. Топтуны – они же филёры и шпики, сотрудники службы наружного наблюдения – берегли ноги, как только что переболевшие гриппом опасались сквозняков. Вадим словно на всю оставшуюся жизнь сохранил на лице выражение самого заурядного обывателя, человека с обычной внешностью, одевавшегося так же непримечательно. «Красавицы и красавцы перед выходом «на пост» маскируют свою красоту...» К этому постулату топтунов добавить нечего. Равно как и к правилу о «незаметности» – даже если вокруг вообще нет никого.

Умный... Знания в него, похоже, вбивали с помощью молота, заметил Андрей. Однако с ними он расстается легко и свободно. Прозоров кивал в ответ на откровения бывшего топтуна: мол, работая в «семерке», советские шпики бухали по-черному, снимая стресс напряженной работы.

– Я уже по-другому смотреть не могу, – делился самым сокровенным Вадим Салнынь, изредка делая глоток баварского темного. Они устроились в пивной, расположенной на территории порта Киль. Погода за окном – «теплого лета золотая уловка», по российским меркам, конечно. На Андрее синие джинсы, легкий пуловер серого цвета, кроссовки. Вадим, сидевший напротив, повесил короткую кожаную куртку на спинку свободного стула, оставаясь в темно-зеленой майке. – Отличия, сравнения, – продолжал он, – называй это как хочешь. Машинально отмечаю незнакомый автомобиль во дворе, человека, который якобы читает газету, а сам наблюдает за двором. Я способен на себе испытать чей-то наблюдательный взгляд – на спине, на затылке почувствую. У кого-то этот дар пропадает, у меня же он останется на всю жизнь.

«Ну как?» – чуть округлившимися глазами спросил латыш.

«Здорово», – так же молча похвалил Вадима Андрей.

Собственно, хмурый топтун набивал себе цену. Без рекламы никуда. Он быстро освоился в этом забугорном мире, под который изо всех сил подстраивался расколовшийся мир, некогда называвшийся Союзом Советских Социалистических Республик.

– Я мечтаю о смерти во сне. Ведь смерть во сне – подарок богов. Ты как считаешь?

– Любая смерть не подарок, – не согласился с собеседни-

ком Прозоров, прикидывая, куда клонит экс-филер. Наверное, никуда. Лишь бы не молчать. Любая пауза, наверное, считает он, не в его пользу.

Вадим Салнынь имел в своем досье забавный агентурный псевдоним – Щитомордник. Его он получил за изображение на одной любительской фотографии, где, прикола ради, околыш фуражки он украсил гербом госбезопасности – «Щит и меч». Грозная эмблема скрывала глаза и фактически находилась на верхней части лица. Отсюда и кличка – Щитомордник. Кому в голову пришла эта оригинальная мысль – непонятно. Могли назвать попроще: например, Меченосцем. Та же икра, только на бутерброде.

Вадиму в апреле этого года исполнилось сорок девять. Самый расцвет сил, если рассуждать с «высокой» точки зрения космонавтики: оптимальный возраст для полетов – от сорока пяти до пятидесяти. За бугор он подался в 1987 году и вот уже пятнадцатый год перебивается случайными заработками. Одно время, пользуясь своей природной наблюдательностью и отличной памятью, подрабатывал гидом. Туристический автобус, соотечественники, микрофон, хорошо подвешенный язык и немножко истории, которую можно почерпнуть в любом путеводителе, – вот все, что нужно гиду.

От привычки бухать по-черному он так и не избавился. Даже усовершенствовал ее: пил от щедрот туристов, но вволю.

Не умолкая ни на секунду, «однофамилец» ядовитой

змеи, которая водится в Средней Азии, не уступает в ядовитости гюрзе и достигает двух метров в длину, перемежал свою торопливую речь жестами и профессиональными сбивками: посмотрите налево... посмотрите направо... впереди вы видите... построенный в начале века...

– На родину не тянет? – спросил Андрей, намотав на ус очередную бесполезную информацию о том, как ведет себя объект наблюдения вне дома, с кем встречается, ищет ли он за собой слежку; подумал, что скоро свихнется от нескончаемой болтовни, от специфических терминов, которые знал не хуже Щитомордника. «Воткнуть связь в адрес» – означает убедиться, что лицо, встретившееся с объектом наблюдения, пришло именно домой: уверенно ли он выбирает транспортное средство для поездки, открывает ли дверь своим ключом.

Все это напомнило Андрею события двухлетней давности. Тогда ему было двадцать шесть, он находился в Бонне с заданием, и его «припас» один из офицеров «наружки». Прозоров не дал ему «воткнуть связь в адрес»: умело используя проходной подъезд, сломал на выходе немцу шею. Если сравнивать до конца, то нынешняя ситуация очень походила на ту, случившуюся в декабре 2000 года. Тот безызвестный «ганс» тоже не знал, глядя на объект слежки, что вскоре расстанется с жизнью. Вот и Щитоморднику вряд ли доведется скончаться во сне, о чем он, может быть, с долей провидения и мечтал.

– Домой? Чего я там забыл? Разве что жену. И то вряд ли: ее я действительно забыл. – Салнынь коротко хохотнул и продолжил, не меняя интонации: – Если бы ты не напомнил...

– Ты был в Копенгагене?

– Да. – Вадим слегка сморщился. – Город красивый, но, мне кажется, ничего своего не имеет. Средневековые замки позаимствовал от Праги. Каналы в центре города – от Венеции. Ветряные мельницы и голландский пригород Драгёр – от Амстердама. Гвардейцы в медвежьих шапках и королевский дворец Амалиенбург – от Великобритании. Если ты спросишь о датчанах, они обычные люди, не хуже и не лучше нас.

Похоже, лучше Щитомордника о Дании и ее столице со спальными районами в пригородах, виллами и уютными коттеджами на окраинах, обрамленными ухоженными садами и газонами, рассказать не мог никто.

Однако Андрей и без Щитомордника знал, что, к примеру, по количеству эмигрантов Датское королевство, обращая свою политику не налево и направо, но на запад и на восток, привлекшее к себе внимание иностранных разведывательных служб, намного опередило многие развитые страны Европы.

До недавнего времени Дания была центром сосредоточения интересов стран Варшавского блока и Северо-Атлантического альянса. Датчане, из газет периодически узнавая

о проколе той или иной службы, гордились своей маленькой страной как центром мировой политики. Заодно собой, создав для разведчиков оптимальные предпосылки для камуфляжа ими своих секретных занятий. К услугам шпионов всех стран на выбор представители разнообразных профессий и всевозможных государств; на каждом углу открытые двери кафе и ресторанов, где можно уединиться, не вызывая подозрений; лабиринты микрорайонов и кварталов, сложные транспортные развязки помогают разведчику определить наружное наблюдение и, если потребуется, скрыться. Они научились давать сто очков вперед службе НН контрразведывательного отдела датской полиции – ПЭТ.

– Так как насчет аванса? – повторился Щитомордник, допив второй бокал пива.

– Без проблем. Сколько хочешь, половину?

Вадим секунду-другую поразмышлял, взять ли сейчас семь тысяч, а по возвращении еще восемь, или пять и десять? Равные половины его отчего-то не устраивали, ему хотелось получить «под расчет» больше, кучей. А с другой стороны, если работа сорвется не по его вине, плакала вторая половина.

– Восемь тысяч сейчас, – поставил он условия, – семь после. – Щитомордник наметанным взглядом окинул пивную и кивнул парню: дескать, можешь начинать отсчет, все спокойно.

Андрей вскрыл банковскую упаковку евро, отсчитал де-

сять сотенных купюр и положил их в карман, остальные – девять тысяч – протянул Салныню, пояснив:

– Штука на билеты, гостиницу. Машину возьмешь напрокат в салоне на Хаммаршельдсалле. Там же есть часовой магазин, купишь часы с компасом. Также тебе понадобится багажная сумка и лопата. Где-нибудь на окраине Копенгагена найдешь магазинчик, торгующий садовыми принадлежностями. Товар возьмешь в Нестведе. По дороге, ведущей из города в бухту, свернешь направо через двести метров после километрового указателя «восемь». Не забудь провериться.

– Вот об этом не надо напоминать. – Салнынь положил деньги в карман брюк, оставив при себе лишь одну купюру. Почти год евро в обращении, а он никак не привыкнет к ним. Зато как легко он адаптировался после «деревянных» к маркам! Переход произошел быстро и безболезненно.

– Теперь дальше. Закроешь машину и поднимешься на холм, найдешь сосну с обломанной нижней веткой. От нее сделаешь восемьдесят шагов строго на юго-запад до следующего ориентира, валуна, который недавно переворачивали. От него пятьдесят шагов на запад, напрямиком к известняковой скале. Обойдешь ее справа, справа же найдешь прямоугольник пожухлой травы: дерн там снимали. К тому времени, как ты появишься там, трава в месте тайника будет отличаться цветом. Комай смело – над товаром лежит доска. Упрешься в нее, вынимай аккуратно. Товар переложешь в сумку, а мешок, в который он завернут, выбросишь по доро-

ге. В Копенгагене в самом начале Ньёрре Вольдгаде остановишься, заглушишь двигатель и выйдешь из машины. Собственно, это и будет означать, что работу свою ты сделал. За машину не беспокойся, ее отгонят в бюро по найму. Все понял?

– Да, – твердо ответил бывший топтун.

– Тогда повтори.

Когда Андрей рассказывал, Щитомордник отчетливо представлял работу своих бывших коллег. Ведь раскрытие тайниковых операций – одна из задач службы наружного наблюдения. Иностранным разведчикам, работающим в Москве, всегда было проблематично выходить на связь со своими агентами, подыскивались и подготавливались места для тайниковых операций; в тайниках оставляли инструкции либо задания для агентов или извлекали готовые материалы. Вадим по своему опыту знал, что обнаружить и зафиксировать место закладки или изъятия – дело едва ли не гиблое.

Это сейчас, в век компьютерных технологий, можно без труда выйти на связь с агентом, по Интернету передать чертеж или схему.

Еще не мог не вспомнить о том, что выпустить материал из рук (оставить его в тайнике) – пусть даже на короткое время – всегда большой риск. И еще одно «всегда»: если материалы, как бы они ни шифровались, попадают в руки контрразведки, то агента всегда вычисляют. Всегда.

Щитомордник не ошибался, полагая, что вот сейчас за за-

кладкой, место которой он знал, ведется наблюдение. Повторяя полученную от Прозорова информацию, он изредка едва заметно покачивал головой – время: «Время между закладкой и изъятием обычно сокращается до минимума». Что сводит возможности служб наружного наблюдения по раскрытию тайниковых операций к нулю. Вадим сможет изъять закладку только через два дня, и если приплюсовать сюда еще пару дней, которые прошли с момента закладки, то получается четыре-пять дней. Вообще-то многовато.

А так закладка, которую, судя по всему, осуществили оперативники Службы внешней разведки в Копенгагене, была стандартной.

Салнынь словно возвращался на службу... только в ином качестве. И, положив руку на сердце, мог признаться себе, что не раз и не два готовил себя к похожему повороту событий. Но время отодвигало мечты о левом заработке все дальше.

Спросить, что в тайнике? Но о таких вещах не спрашивают: дал согласие – молчи. Согласился выслушать детали работы – лишних вопросов не задавай, включая и касающиеся рекомендаций, по которым к нему подошел этот парень. Можно отказаться от работы, но деньги жгли ему ляжку.

Как бы то ни было, все выяснится на месте, когда он снимет дерн, копнет на пару штыков в глубину и вынет доску, обнажая мешок с товаром.

Впрочем, он успокоился, когда Андрей, прощаясь, еще раз сказал:

– Мы обратились к тебе как к специалисту. Необходимо, чтобы операция прошла гладко и товар не попал в чужие руки. По секрету: мы отмели несколько кандидатур, находящихся непосредственно в Дании. Только не загордись оказанным тебе доверием.

«Это вряд ли», – решительно подумал Вадим, провожая взглядом высокую фигуру собеседника. Он еще раз оглядел уютную пивную с большим телевизором над барной стойкой, вещающим на спортивном канале и привлекающим сюда клиентов-портовиков, место, где ровно через неделю он получит еще семь тысяч евро.

Копенгаген, Дания

Тридцативосьмилетний Антон Альбац отдавал дань моде, привнесенной с экрана американским актером Доном Джонсоном. Клубный пиджак темно-малинового цвета, сшитый в Англии, открывал плотную желтую майку с треугольным вырезом и тонкую золотую цепочку. На мизинце правой руки Антона – печатка с опалом. В отличие от Штерна он не курил, но последнему позволялось дымить в присутствии босса.

Расположившись в углу канапе и положив руку на закругленную полированную спинку, Антон смотрел новости. Свободно владея шестью иностранными языками, он делал два дела: слушал Штерна, говорившего на русском, и внимал англоязычному диктору круглосуточного новостного канала, повествующему об иракском кризисе, ценах на нефть, котировках акций на мировых ведущих биржах. Альбац успешно справлялся с этим, однако Штерна его поведение начало потихоньку выводить из равновесия. Зиновию казалось, что босс наплевательски относится к серьезной проблеме, неожиданно свалившейся им на голову. В телевизоре все понятно, однако последнее время с экрана больше задавали вопросы, нежели отвечали на них. Словно возложили решение многих проблем на телезрителей. Ну и зачем тогда смотреть

все это дерьмо?

По интонации собеседника Антон легко определил его настроение и, собственно, причину раздражения Штерна. Он пультом убавил громкость, но по-прежнему смотрел на экран телевизора.

– Я слушаю тебя.

Раздражительный Штерн опять все понял по-своему:

– Лучше бы тебе не убавлять звука.

– Почему?

– Потому что ты сейчас начнешь прислушиваться. Выключи его! – Зиновий ткнул пальцем в экран роскошного плазменного «Панасоника». – Не бойся – твой диктор не захлебнется плазмой. Каждые полчаса передают одно и то же.

Альбац не стал в очередной раз напоминать, что смотреть мировые новости – это часть его работы. Информация – луч света. Если выключить его, придется идти в потемках, на ощупь.

– Ты говорил, не стоит пороть горячку, – напомнил Антон. – И что дальше?

Штерну пришлось с минуту настраиваться на продолжение разговора, и он, невольно сравнив себя с ресивером, выругался. Он ошибся, думая, что Антон решит менять, как перчатки, страны пребывания и ни один киллер, какого бы высокого класса он ни был, не успеет за ним.

Альбац на деле не раз доказывал, что является мастером уходить от слезки, однако до сей поры за ним гонялись лишь

для того, чтобы запрятать за решетку – неважно, сколько он проведет за ней, неделю, две, месяц. Но не долго. Сейчас же его заказали в Москве и подключили к этому Службу внешней разведки. Да, агрегат ФСБ – СВР мощный, кивал Антон в такт своим мыслям, ничего не скажешь, но жрет слишком много и стоит дорого. Большой джаз-оркестр, утративший основной принцип – не что играть, а как играть. По большому счету они все делают наоборот.

Вторая причина спокойствия – его «крыша» в Федеральной службе безопасности. Его бы оповестили о готовящейся акции – это раз. Не дали бы ей развернуться – это два. И три – крайний случай, противоположность двух первых. Тогда бы его ждала ловушка гораздо хуже той, в которую попал третий секретарь российского посольства Борис Рощин, и называлась бы она свинцовой. Или тротиловой, разницы никакой.

Альбац пытался разобраться, кого и по какому поводу он разозлил так сильно, что его решили избавить от долгой и утомительной процедуры полировки скамьи подсудимых. Что-то связанное с Россией? Но он не замахивался на Россию – он начинал с нее. Он снабжал оружием антиправительственные группировки Анголы, Сьерра-Леоне и режима Чарльза Тейлора в Либерии. Он и «аффилированные с ним компании» вели операции в Камеруне, Демократической Республике Конго (бывшее Бельгийское Конго), Республике Конго (Браззавиль), Кении, Ливии, Руанде, ЮАР,

Экваториальной Гвинее, Уганде и еще нескольких странах.

А в Дании, очень демократической стране, Антон чувствовал себя уверенно. Он позволял наблюдателям ООН спокойно наблюдать за ним, обнародовать факсимиле первой страницы его российского паспорта, действительного по январь 2003 года, страничку паспорта гражданина Израиля, подданного еще двух стран. На то, чем он занимался, доказательств не соберешь: чтобы поехать по многочисленным странам, где он оставил свои следы, опросить одних и удостовериться в смерти других, потребуется не один десяток лет. Его деятельность скрутилась в такой клубок, что распутать его не представлялось возможным.

А Штерн тем временем пошел по второму кругу: тайник с оружием, группа профессионалов... Распалился настолько, что, похоже, не заметил, как остался один: Альбац перешел на кожаный представительский диван, стоящий в центре комнаты.

Телевизор работал без звука, красная иконка с изображением динамика в левом нижнем углу экрана была крест-накрест перечеркнута. Альбацу же неподвижный значок виделся перекрестьем оптического прицела.

Мысленно он снова вернулся к набору оружия, судя по всему, предназначенного для группы, состоящей из трех человек. Антон не только хорошо разбирался в оружии, вникая в его тактико-технические характеристики, но и кое-что смыслил в стратегии.

Три типа оружия, размышлял он, плюс взрывчатка. Автомат «галил» «МАР», или, как его еще называют, 5,56-миллиметровый карабин «МАР». Самый сверхкомпактный из автоматов серии «галил», предназначен для спецназа. Ствол – самая отличительная черта этого оружия – всего 195 миллиметров; и даже спереди на цевье имеется выступ, который не дает руке соскользнуть вперед и, учитывая близость дула к передней части цевья, не получить травму. Этот автомат хорош на близких и средних расстояниях, отлично адаптирован к скоротечному бою при интенсивном ведении огня.

Теперь снайперская винтовка «СВД». Она наиболее эффективна на расстояниях до восьмисот метров. Однако с расстояния почти в два километра пуля со стальным сердечником пробивает стальной шлем и бронежилет, с расстояния в километр пробивает бруствер из плотного утрамбованного снега толщиной восемьдесят сантиметров и земляную преграду из свободно насыпанного супесчаного грунта в тридцать сантиметров, стену из соснового дерева. А что она делает с кирпичной кладкой с расстояния в двести метров – лучше не вспоминать.

Наконец, пистолет, предназначенный для ближнего боя. Хотя... есть еще взрывчатка, которая едва ли не контактирует с жертвой.

Что же получается? Если пойти от адской машинки, то с каждым видом оружия, которое вот-вот поместят в тайник, жертва как бы удалялась от киллера: прямой контакт – ближ-

ний огонь – огонь на средней дистанции – огонь с дальнего расстояния. Четыре исполнителя. Не попал из «СВД» один, то накроет плотным огнем из «галила» другой, что ли? А если и этот промахнется, то стрелок из пистолета не промажет. Ну а уж если и он оплошает... До кучи не хватало холодного оружия.

Нет, покачал головой Альбац: все три типа оружия предназначались для одного человека, действительно профи, который свободно владеет как снайперской винтовкой и автоматом, так и пистолетом и техникой минирования. Такими навыками обладают мастера из секретных спецподразделений, называемые диверсантами.

И один такой уже здесь, в Дании. Или скоро появится. Он получил задание, но пока не имеет конкретного плана – отсюда и такой разброс в выборе оружия. Когда он спланирует свои действия, просто возьмет в руки то, что ему потребуются, не тратя на очередной заказ или покупку ни одной лишней минуты.

Скорее всего, безымянный диверсант проходил службу в подразделении, которое отвечало за Западно-Европейский сектор или конкретную страну. Здесь, в Дании, он должен чувствовать себя как рыба в воде. Владеет языком? Наверняка. И неплохо. Владеет техникой провериться, выявить за собой слежку и оторваться от нее? Безусловно.

Пожалуй, думал Альбац, наступил тот самый крайний случай, который предусматривал такие же чрезвычайные ме-

ры; он не знал причины своего устранения, и сей факт с каждой секундой нагнетал напряженность. Антон никогда не находился в относительном покое, постоянно за спиной слышал надрывное дыхание преследователей. Но те обычно использовали коротконогих и криволапых английских или французских бульдогов, теперь же на охоту вывели русскую борзую, которая, не имея себе равных, одинаково хорошо сокращает дистанцию и рвет в клочья жертву на ближней.

И снова воображение. Оно рисует безмолвного, немого, с пронзительными голубыми глазами широкоплечего диверсанта. Короткие светлые волосы, недельная щетина на квадратном подбородке, длинные сильные руки, клетчатая вылинявшая рубашка. Почему клетчатая? И почему вдруг вылинявшая?

«Пора линять отсюда», – так же неожиданно, как и начал, закончил Альбац.

Он вернулся к собеседнику.

– Место закладки тайника будет известно? – спросил он.

– Вряд ли, – покачал головой Штерн. – На то она и тайниковая операция. Устаревший метод, но он еще переживет нас с тобой. Наш друг, – Зиновий с отвращением сплюнул, нехорошим словом помяная дипломата Рощина, – наш друг, который дружит взасос, сказал, что в ней примет участие чуть ли не весь штат российского посольства.

– Любопытно было бы узнать, – проявил профессиональный интерес Антон, – по каким каналам в российское по-

сольство пришло оружие.

– По дипломатическим, – сухо сострил Штерн.

Альбац вспомнил свои слова о неповоротливости российского агрегата Службы внешней разведки и сравнил тайное спецподразделение, которому поручили его ликвидацию, с ракетой-носителем, она выведет на орбиту всего лишь одного человека. Один человек – как тень, с ней всегда трудно бороться. И стоит бояться. Сложно напугаться целой армии, а вот что касается конкретного лица... Еще подумал о чисто психологическом давлении на него: запустили «утку», чтобы мир для торговца оружием показался с сотовый телефон. Что ж, и такой прием не редкость, если покопаться в анналах спецслужб, можно отыскать и не такие методы борьбы.

И если все же это запуск дезинформации, то кто-то шибко умный надеется на ошибку Альбаца.

– Что будем делать, Антон? – спросил Штерн, раскуривая очередную сигарку.

Хозяин пожал плечами: мало материала. Оттого и столько рассуждений. Из обычного снежка он за час с небольшим слепил целого снеговика. А когда информации достаточно, все происходит с точностью до наоборот: снимаешь один слой за другим, пока не остается главное.

– Ты когда встречаешься с Рошиным?

– Завтра.

– Требуй от него детали. Возьми с собой диктофон, я послушаю вашу беседу.

– Можешь сам встретиться с ним.

Антон выразительно посмотрел на компаньона и промолчал.

– Мой самолет должен находиться в полной готовности, – сказал он.

– Подготовить второй экипаж?

– Зачем? Я сам сяду за штурвал. Просто ты не понял меня.

Готовь борт номер один.

Штерн покачал головой.

– Ты не торопишься, Антон?

– У меня нет такой привычки. Будь готов в любой момент вылететь в Шарджу. Думаю, гость не заставит себя ждать. Впрочем, у нас хватит времени на то, чтобы скоординировать наши действия.

Антон встал, поправил задравшуюся штанину и прошелся по комнате. Эта бельгийская квартира, находившаяся в частной собственности Антона, представляла собой студию: огромная, не меньше шестидесяти квадратных метров комната, темные гардины наполовину закрывали окно во всю стену, исключение составляла спальня, в ней окно было привычных размеров, но без подоконника.

На стене висела картина молодого, пока еще не очень известного голландского художника датского происхождения Кнуда Эрегорда, на ней мастер изобразил красновато-желтый камин с очагом без перспективы: просто черный проем, дыра в никуда. Произведение молодого живописца впечат-

ляло размерами: едва ли не от пола до потолка. Если долго смотреть на черный очаг, стоя у противоположной стены, то тело непременно начинало клониться к нему. И еще один эффект: по настроению, что ли, но черная дыра порой виделась печной заслонкой.

Глава 2

НЕОБХОДИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ

6

Москва, штаб-квартира Главного разведывательного управления, 9 декабря, понедельник

Подполковник Анатолий Холстов закрыл папку с документами и, повернувшись в крутящемся кресле к стеллажу, протянувшемуся вдоль правой стены кабинета, с минуту смотрел на ячейки и не находил нужной. Хотя каждая была подписана: на полосках бумаги, расположенных вертикально, снизу вверх шли крупные печатные буквы. Сработала память движений: папка нашла свое место в ячейке, где находились текущие дела, не подлежащие обязательной сдаче на хранение. Рядом Холстов обнаружил свежую полоску бумаги с надписью на английском: CURRENT FILES.

Ну понятно, усмехнулся он и только сейчас глянул на помощника, капитана Владимира Лишанкова, работавшего до этого в штабе Московского военного округа на перемещениях. Ходячий анекдот, в первый свой рабочий день явил-

ся на службу в обтягивающих кожаных штанах и с CD-плеером наперевес. Увидев его, подполковник Холстов минут пять трясся в беззвучном смехе, откатившись в кресле к самой стене. Потом, промокнув глаза носовым платком, подъехал к столу и проникновенно начал: «Вова...» Но так и не закончил, махнув рукой, разговор по душам отложил до вечера. До того же срока изъясился и плеер. Штаны пришлось оставить на молодом модном офицере. Позже выяснил, что и жена у Лишанкова такая же модная.

Это он, Володя Лишанков, наводил вчера, пользуясь отсутствием шефа, порядок в кабинете, потертые и порядком засаленные надписи на стеллажах заменил на новые, «дела текущие» сейчас назывались по-английски: CURRENT FILES. В голове Холстова всплыло старомодное слово: самовольник.

– Напиши по-русски, – коротко приказал подполковник, уловив скрытую улыбку на лице подчиненного, и в мыслях вернулся к информации, которая в течение получаса не давала ему покоя. Она заставила начальника секции надолго задуматься, вспомнить, какими еще данными по этому вопросу он владеет. Ему придется еще раз переговорить с начальником управления, посидеть с аналитиками и прогнозистами.

Работа по его части, другой бы ничего не понял и равнодушно пожал плечами: «Ну и что из того? Классика: «Люди не только смертны, но еще и внезапно смертны».

Дело касалось ликвидации одного скандально известного лица, объявленного в федеральный и международный розыск. Только вот зачем ФСБ убирать человека, который работал не только на нее, но и на правительство? Зачем, если на нем завязаны многочисленные связи на международном черном рынке вооружений? Через его компании проходят огромные деньги, часть из них оседает в карманах высокопоставленных силовиков, часть остается в обороте. Организация, на которую работал Антон Альбац, объявила его в розыск, однако это тоже часть «крыши» – времена такие.

И замены ему не видно. Кому он перешел дорогу? Кто взял на себя ответственность за потерю сотен миллионов долларов, за перспективу заработать на порядок больше? Но главное, что подтолкнуло ФСБ и людей из правительства, разводящих финансовые потоки, на этот отнюдь не выгодный шаг? Прокол в работе, связанной с черным рынком вооружений? Нет, качал головой подполковник, это исключено. Любой прокол можно залатать. Прокол в другой сфере? За что еще он брался?..

Именно этот вопрос и должен стать ключевым.

Все, чем занималась ФСБ помимо своей основной работы, так или иначе интересовало ее конкурентов из «Аквариума». Получить компрометирующий материал и использовать его против конкурента – обычная практика.

Однако прежде чем повторно идти на оперативку со своими соображениями, Анатолий Николаевич решил прокон-

сультуроваться, благо добро на это он получил от первого заместителя начальника ГРУ генерал-полковника Олега Михайлова. Взяв со стола пачку сигарет и зажигалку, Холстов вышел из кабинета и направился к коллеге в 11-е управление – военные доктрины и вооружение.

Коллегу звали Антоном Лекаревым. Он был в звании майора, один из двухсот офицеров, работающих в этом управлении, моложе Холстова и, что ли, проворнее. Работа у обоих сидячая, кабинетная – хотя еще год назад на оперативных совещаниях, проходивших в присутствии сотрудников Совета безопасности, Холстова представляли неопределенно, но звучно: «Подполковник Холстов. Операции в Северной Европе». Однако Лекарев «торопился жить», за день проворачивал такой объем работы, словно на него работало несколько отделов. Он не слезал с телефона, загонял своих помощников и внешностью напоминал профессора Мориарти из российского сериала про Шерлока Холмса. Не по годам лысоватый, сутулый, узкоплечий; ручки длинные, ими майор свободно доставал и телефоны, стоящие на столике, пристыкованном к рабочему столу, и, не нагибаясь, мог вынуть из дальнего угла нижнего ящика документ или какую-нибудь вещь.

– Что ты знаешь об Антоне Натановиче Альбаце? – задал вопрос Холстов, присаживаясь напротив майора.

– То, что он мой тезка. – Антон коротко рассмеялся. – Что конкретно тебя интересует?

– Для начала: когда Альбац последний раз был в России? Лекарев, вспоминая, пошевелил густыми бровями.

– Двадцать седьмого октября 2001 года, – назвал дату майор. Он сжато ответил абоненту зазвонившего телефона и продолжил: – Когда он приехал, честно говоря, не вспомню – это не по моей части, но покинул пределы России ровно за две недели до окончательного дополнения докладов наблюдателей Совбеза ООН за санкциями в отношении УНИТА, – без запинки выпалил Антон.

– Разреши узнать, как это ты умудрился связать два этих события – убийство оружейного воротилы и доклады наблюдателей ООН?

– Дополнения содержали детальную информацию о международной сети оружейных дилеров. Вот так и связались эти два случая, наш отдел вплотную занимался этими вопросами.

– Сейчас Альбац в Дании? – спросил Холстов, прекрасно зная об этом и невольно вспоминая своего друга полковника Станислава Серегина, резидента военной разведки и руководителя военного атташата российского посольства Королевства Дании.

– Ну, милый мой! – Лекарев развел своими ручищами. – Это у тебя, оперативника, надо спрашивать.

– Слушай, если у тебя есть дела, отложи их на час-полтора.

– На сколько?!

– Я серьезно, Антон. Давай поговорим про Альбаца. Во время разговора что-то вспомнишь ты, что-то припомню я. Мне к шефу идти, а с полупустыми руками не хочется. На-

чество любит оперировать словами: соображения, точка зрения. Один черт, нам так и так с тобой встречаться. Дело серьезное, однако если у тебя есть желание попасть на оперативку... – Холстов пожал плечами.

– Давай поговорим, – быстро сдался майор. Он был одет в серый костюм и голубую рубашку без галстука; военная форма со знаками принадлежности майора к военно-воздушным силам висела в шкафу. Теплые ботинки, в которых он пришел на работу, стояли под вешалкой, сейчас ноги Лекарева отдыхали в старой осенней «саламандре», паре ботинок, которым было не меньше восьми лет. – Чайку?

Холстов не стал отказываться. Он смотрел на чуть суетливые движения коллеги, включавшего в розетку кофейник без решетки, в котором готовился кипяток, на его длинные пальцы, которыми тот выудил из пачки пару пакетиков зеленого чая и положил в чашки.

– Итак, кто такой Антон Натанович Альбац, – начал Лекарев. – В январе этого года британский министр по делам Африки Питер Хейн впервые публично обвинил Альбаца в незаконных поставках оружия УНИТА – Национальному союзу за полную независимость Анголы, о нем я уже упоминал. К этому Хейна подвиг так называемый Кандагарский инцидент. Ты должен знать о нем.

Холстов кивнул: да. Он слышал о событиях 95-го года. Зафрахтованный Альбацем самолет татарской авиакомпании «Аэростан» должен был доставить партию автоматов Калаш-

никова и другого военного снаряжения общим весом более тридцати тонн в Кабул. Получатель – правительство Бурхануддина Раббани. Итог этого рейса – принудительная посадка в Кандагаре, находившемся под контролем талибов, и превращение Альбаца из друга Ахмада Шаха Масуда в поставщика оружия муллы Омара.

– Толя, конкретизируй, – по слогам произнес Антон и даже приложил руку к груди. – Иначе я загружу тебя информацией. Охота тебе потом ковыряться в этом дерьме?

– Грузи, грузи.

– Как хочешь. Авиакомпании Альбаца тебя интересуют?

– И даже очень.

Лекарев облегченно выдохнул, как-то подозрительно потер руки, словно придумал, как отбойриться от назойливого гостя, снял телефонную трубку и набрал номер. На вопросительный кивок собеседника ответил красноречивой гримасой: «Хочешь, чтобы тебя нагрузили? Тогда сиди и не рыпайся».

– Паша?.. Привет. Лекарев. Забеги ко мне пообщаться. Ага, жду.

– Кому ты звонил? – спросил Холстов.

– Толя, хотя бы в моем кабинете не делай секретов, а? – иронично попросил Антон. – Сейчас придет Паша Ухорская, вдвоем мы тебя быстро расколем.

Ухорская была полной противоположностью Лекарева. Она любила ходить по кабинетам управления, держа одну

руку в кармане неизменного приталенного пиджака. Взгляд тридцатилетней дамы, имеющей пару роскошных ног, подполковничьи погоны и соответствующую им должность старшего оперативного офицера, властный характер Фурцевой и привычку материться, всегда говорил: «Работаете? Ну-ну...» Если ее «не привечали», равнодушно разворачивалась и уходила. Кто-то в «Аквариуме» очень метко прозвал ее Слабым Звеном: она и лицом, и фигурой походила на Машу Киселеву, олимпийскую чемпионку-синхронистку, ведущую шоу «Слабое звено». Для Ухорской, которая обладала энциклопедическими знаниями в области вооружений, не составляло труда назвать численность вооруженных сил европейских стран НАТО (2 миллиона 318 тысяч 490 человек) и сопоставить ее с количеством военнослужащих в Америке (1 миллион 367 тысяч 700); привести статистику по стратегическим бомбардировщикам, ударным, транспортным самолетам и вертолетам всех типов. Что касается авиации – в этой сфере Ухорская, бывший пилот-истребитель, рано закончившая летную карьеру, была асом. Также некоторое время она входила в оперативную группу 5-го управления военной разведки.

Ухорская сдержанно поздоровалась с Холстовым, по-мужски протянула руку Лекареву, но, когда тот вытянул навстречу свою, она сунула руку в карман:

– Здоровались по телефону.

Она устроилась рядом с Холстовым и, закинув ногу за но-

гу, элегантно поправила темную юбку. Матово блеснув своими серо-голубыми глазами на подполковника, Ухорская лениво обронила:

– Так какие у вас проблемы, друзья?

– Расскажи, если знаешь, об авиакомпаниях Антона Альбаца. Но для начала ответь: знаешь, о ком речь?

– А кто не знает Антона? Недавно я встречалась с ним.

– Когда? – удивился Холстов.

– Когда ездила в Амман на выставку вооружений. Странный человек, – резюмировала Ухорская, – тарасился на железки, а на красивую женщину ноль внимания.

– А почему ты занялась им?

– Нельзя так прямо сказать, что я им занималась. В Аммане у меня был свой интерес, связанный, разумеется, с вооружениями. А поручений по делам Альбаца не получала. Однако в отчете написала, что Альбац заинтересовался противодиверсионным береговым реактивным комплексом ДП-62 «дамба». Он даже договорился о встрече с Олегом Пичкасовым – представителем тульского «Сплава» – двадцать седьмого декабря в гостинице «Россия». Несколько «дамб» Антон намеревается сбавить в Африку. Но это отдельный случай, а раньше я входила в сводную опергруппу из ФСБ и Генпрокуратуры. То ли они меня консультировали, то ли я их, до сих пор не пойму. Так, копалась в его старых делах. Человек-то наш; а шеф сказал: «Твой». Антон тоже бывший ас – неплохой, между прочим. А что с ним, кстати?

– ФСБ заказала его.

Лекарев присвистнул от удивления. А Ухорская, качнув коротким каштановым каре, сказала:

– Ух ты! Интересно. – Она чуть отодвинулась и повернулась к Холстову. – А ну, друг, выкладывай.

Подполковник рассказал об информации, полученной от резидента ГРУ в Дании.

– Шеф не слезет с тебя, – заметила Ухорская. – Будешь землю рыть, как кабан с выводком. А вообще интересно, – повторилась она, – давайте помозгуем. Я начну, не против?

– Валяй, женщина, – разрешил хозяин кабинета, забыв про остывающий в чашках чай, про то, что оказался не столь гостеприимным и не предложил даме чаю. Что действительно оказался на оперативке, которую посулил ему Холстов.

– Авиакомпания Альбаца, – начала Ухорская. – Во-первых, это «Аэроферри»¹, зарегистрированная в 1996 году в Монровии. Ее операционная база – офис в аэропорту Остенде, Бельгия. Но спустя ровно полгода – тридцать первого июля 1997 года – «Аэроферри» перебазировала свой авиапарк в Шарджу, закрыв бельгийскую контору.

– Почему? – спросил Холстов.

Ухорская пожала плечами:

– Якобы в связи с началом расследования бельгийскими властями обвинений в адрес Альбаца. Удивляет скорость этого сукина сына! Двадцатого августа – это спустя двадцать

¹ «Aeroferry» – «Воздушный паром» (англ.).

дней после закрытия бельгийского офиса – он образовал компанию «Aeroferry Swaziland». Часть своих самолетов, зарегистрированных в Либерии, Альбац перевел в Свазиленд, то есть зарегистрировал их там. На самом же деле операции осуществлялись из аэропорта Питерсбург – это северо-восток ЮАР. А после того как «Аэроферри Свазиленд» вошла в консорциум с местными компаниями, родилось совместное предприятие «Скай фэктори»² с соучредителями – «Аэроферри» и южноафриканской «Air Cruiser Charter».

Ухорская, прикурив очередную сигарету от зажигалки Холстова, продолжила:

– Все дело в том, что у Альбаца не было лицензии, а у владелицы «Эйр Крузер Чартер» не хватало самолетов. Дошло до смешного. Директриса «Эйр Крузер» заявила буквально следующее: «Мы свели Альбаца с нашими клиентами. Возможно, он делал что-то дурное в других местах, но каждый рейс, отправляющийся отсюда, проверялся службой иммиграции, таможенной, пограничной полицией, обычной полицией и собакой по имени Рекс». По имени, понял?

Она локтем толкнула задумавшегося соседа и продолжила:

– Одним словом, совместное предприятие процветало, открылся представительский офис в Дании, наш Антон сошелся с главным посредником УНИТА при закупках оружия и военного снаряжения (в период между 1995 и 1999 годами)

² «Sky Factory» – «Небесная мастерская» (англ.).

ливанцем Эмаром Бакри. Присутствовал на бракосочетании короля Свазиленда Мсвати Третьего. В конце концов правоохранительные органы ЮАР обнаружили, что, оказывается, «Аэроферри» «нарушила национальное законодательство, и аж сто сорок шесть раз! И король Свазиленда Мсвати Третий исключил из своего регистра воздушных судов сорок три летательных аппарата совместного предприятия «Aeroferry – Sky Factory».

Холстов, слушая Ухорскую, только изредка задавал встречные вопросы, а вообще старался не перебивать ее. Полина сама выбрала тактику изложения материала целиком, а после обсуждения ее в деталях. Так любой материал усваивается легче. Но все же главная часть процесса показалась сейчас громоздкой, отдельные моменты виделись лишними, необязательными.

– То случилось в 1998 году, – продолжала Ухорская. – Тогда же Альбац зарегистрировал еще две авиакомпании – в Экваториальной Гвинее и Центрально-Африканской Республике. Те самолеты, что вычеркнул Мсвати Третий из своего регистра, Альбац зарегистрировал в этих двух странах. А за то, что самолет «Ил-62», принадлежащий Альбацу, совершил полет в Габон с опознавательными знаками государственной центральноафриканской компании на фюзеляже, трибунал Банги (столица ЦАР) приговорил Альбаца к двум годам тюрьмы. Видно, куражился мужик. Международные органы утверждают, что тридцативосьмилетний россиянин

управляет также самой большой в мире сетью транспортировки оружия, перевозя военные грузы размерами от маленьких магазинов для автоматов Калашникова до огромных боевых вертолетов. И все это в обход международных эмбарго. Альбац – мастер уходить от преследования, как написала о нем «Лос-Анджелес таймс». Одно время он находился в Москве, где его укрывали финансово-промышленные группы, работающие на российское правительство. На все вопросы звучал один ответ: они не верят обвинениям против него. Кроме финансово-промышленных групп, у него «крыша» в ФСБ: через него служба безопасности в отдельных случаях отмывала грязные деньги. Есть надежное прикрытие в российской таможне.

Именно с этого начал свои размышления Холстов, с «крыш» и прикрытий Альбаца в ФСБ и правительстве. Все это настолько срослось, что стало обычным делом. Нет, причина устранения Альбаца кроется совсем в другом.

– Давай поговорим про человеческие качества Антона.

Ухорская сказала, что, в общем, он человек не жадный, никогда, насколько известно, не облагал клиента непомерной данью. Мог в любое время просить помощи, будучи уверенным в том, что такая помощь последует незамедлительно.

Холстов ждал, когда Ухорская начнет «виниться». Так или иначе, чтобы в разговоре не оставалось белых пятен, ей придется хотя бы вскользь упомянуть, кто «породил» Аль-

баца. А ведь тот начал заниматься поставками вооружения, работая в 10-м главке Генштаба ВС: ГРУ использовало это управление как прикрытие, в частности, продажи оружия в страны Азии, Африки и Латинской Америки. ГРУ имело свой интерес в этих странах – подготовка командиров для повстанческих отрядов, кроме того, помогало военными советниками и оружием. С распадом Советского Союза Антон ушел с военной службы, поднаторев в тонкостях и хитро-сплетениях, замешанных на большой политике, а также за-получив в свои руки множество связей на четырех континентах.

Права Ухорская, размышлял подполковник, начальство с него не слезет, оно обязательно захочет узнать причину устранения тезки Антона Лекарева и бывшего работника 10-го главка Генштаба. Вряд ли воспрепятствует – один шанс из тысячи, что ГРУ вмешается в процесс физической ликвидации, разработанный в ФСБ, – но до истины докопается.

Холстов отправился с докладом к шефу, генерал-полковнику Олегу Михайлову, который занимал пост первого заместителя начальника ГРУ и в подчинении которого находились все добывающие органы, занимающиеся сбором информации. Оперативное совещание, как и предвиделось, затянулось. Мало того, второй и третий час прошли с участием Ухорской. Она бросала недвусмысленные взгляды на товарища: «Ну и подложил ты мне свинью». Она же произнесла в этом кабинете точную фразу, которая могла прийти на ум только женщине: «Душат приемного ребенка». То касалось Альбаца, бывшего работника Генштаба, которого позже приютила Федеральная служба безопасности.

– Ищи причину, – напутствовал генерал-полковник Михайлов своего подчиненного. – Даже если тебе придется предотвращать покушение на этого негодяя. Торговля гранатами, танками и истребителями – все это дерьмо собачье, железки. Основание этого дела, мне кажется, в человеческом факторе. Бери в помощники Ухорскую. Вопрос с твоим шефом, – Михайлов перевел взгляд на женщину, – я согласую.

– Спасибо вам, – ответила Ухорская генералу. Когда они с Холстовым вышли из кабинета первого зама, Ухорская намеренно подставила плечо адъютанту, несшему шефу служебную почту: – Смотри, куда прешь!

Она еще не знала, что ей предстоит командировка в Данию. К вечеру ее настроение круто изменилось.

Ухорская развелась с мужем, средней руки бизнесменом, два года назад. Последние ее слова, адресованные супругу, были анекдотического содержания: «У меня для тебя хорошая новость: на твоём «Вольво» подушки безопасности работают отлично!» Ухорская вдребезги уделала новую машину. Однако причина развода крылась в другом: оба регулярно ходили на сторону. Плюс крутой норв Полины.

Она положила в дорожную сумку джинсы в обтяжку, свободные брюки с простроченными стрелками, брючный же костюм, пару кофточек, блузку. «Сука, собираюсь, как на полгода», – ругнулась Ухорская. Даже на месяц не рассчитывала. Хорошо, думала она, если командировка в Данию продлится пару недель. Пригодится заначка, которую она уже упаковала в полиэтиленовый пакет: четыре тысячи долларов. А что, решила экс-истребитель, гулять так гулять; пошляться по датским кабакам, прошвырнуться по магазинам Копенгагена.

Она сделала совсем не обязательный звонок Холстову. Поддерживая телефонную трубку плечом и придиричиво разглядывая в вытянутой руке платье, которое вполне могло сойти за вечернее, философски содрала китайскую мудрость:

– В каждом плохом есть что-то хорошее.

– Все? – спросил подполковник, интуитивно угадывая,

что продолжения разговора не будет. Они еще никуда не уехали, а он уже устал от нее, от ее откровенных шуток, подчас бесстыдных подковырок. Бесстыдных – это для Ухорской определение, но не для него. С одной стороны, конечно, неплохо находиться в компании с откровенно раскованной, не связанной комплексами женщиной. Не быть обязанным предложить ей лечь в постель; на это Ухорская открыто и заливисто рассмеется своим чарующим, хрипловатым, слегка гортанным и немножечко порочным смехом. И не ляжет с ним ни поверх одеяла, ни поверх простыни, ни поверх клеенки на кухонном столе. Но однажды утром он увидит ее немного усталое лицо, припухшие губы. И в груди родится глупая неоправданная ревность: когда и с кем она успела переспать? Анатолий видел себя со стороны – обманутого *почестному*, слышал свой голос: «Я понял, чем пахнут твои духи. Они пахнут свободой». И он добавляет про себя: раскованностью, волей, независимостью.

Она счастлива по-своему, размышлял об Ухорской тридцатипятилетний подполковник так, как если бы на его плечах сияли по меньшей мере три генеральских звезды. Но все равно было бы неплохо положить в медленном танце руки на ее талию, чувствовать ее бедра, грудь – даже если потом ничего не произойдет.

– Фантазия, – по слогам произнес Холстов. И еще раз чуть громче: – Фантазия.

– Что? – спросила жена, появляясь из комнаты.

– Фантазия это все, говорю. Сколько ни говори «халва», все равно во рту слаще не станет.

В самолете, угостившись дармовым шампанским, Ухорская спросила:

– Чего нос повесил?

– Да так...

– Не хочешь говорить?

– Язык я подзабыл, – неожиданно сообщил Холстов, конечно, лукавя. Дания и Германия – это его сектора ответственности. Полина на немецком говорила без акцента, а датский входил в германскую группу языков.

– Хочешь, я тебя обучу? – спросила Ухорская. – Методом гестапо. – Она, насколько позволяло кресло, отстранилась и с прищуром оглядела попутчика. – Об Альбаце думаешь?

– Да пошел он! – внезапно взорвался подполковник.

И все. До приземления в аэропорту Копенгагена они не проронили ни слова. Вряд ли Ухорская думала о своем попутчике. Может, о платьях в багажной сумке, о духах, пахнущих свободой и независимостью? Или о том, что давно хотела написать рапорт и перевестись в «институт» информации, где без особой головной боли можно изучать открытые источники: прессу, радио, телевидение. Или о предстоящей работе? Да, работа как-то незаметно отошла на второй план. Наверное, потому, что вот сейчас не виделась такой интересной. Поначалу проявилось любопытство, которое вызвало восклицание «Ух ты!» у Ухорской и изумленный при-

свист у Антона Лекарева. А сейчас все укладывалось в лаконичную несдержанность Холстова: «Да пошел он!»

Глава 3

ИНИЦИАТОРЫ ВЗРЫВА

9

Дания, 9 декабря

Лопата наткнулась на что-то твердое. Доска, определил Вадим...

Щитомордник приехал к месту закладки тайника в половине второго, считая это время оптимальным: машин в послеобеденное время на дороге немного. В бюро по найму машин он выбрал незаметный и надежный «Форд-Сиерру» серого цвета. До Нестведе доехал не спеша за пару часов, свернул на дорогу, ведущую в Престе, проехал несколько километров, проверяясь, и повернул обратно. Перейдя дорогу в двухстах метрах от указателя «8», он словно потренировался, с расстояния в несколько шагов поставив «Форд» на сигнализацию. Фары и габаритные огни вспыхнули на миг, озвученные коротким звуковым сигналом, и машина, как показалось Вадиму, насторожилась.

Ему не пришлось пользоваться компасом, он легко ориентировался по сторонам света. Взобравшись на холм, увидел сосну, обломанную ветку, валявшуюся рядом. Начал считать

шаги.

Дорога проходила по неровной местности, под ногами шуршали пожухшая трава и мелкие сучья, слева и справа разросся кустарник, раскидистый орешник, начавший сбрасывать листву, взметнувшиеся к небу сосны в вечнозеленом наряде.

Валун, до которого оказалось ровно восемьдесят шагов, действительно переворачивали: мшистой стороной он смотрел на запад, а не на север и словно подсказывал дальнейшее направление.

Сделав пару десятков шагов, Вадим увидел следующий ориентир: возвышающуюся на восемь-десять метров известняковую скалу. Обойдя ее справа, нашел под ногами более желтоватый прямоугольник травы. Именно нашел, ибо дерн, который вынимали очень аккуратно, точно положили на место. Просто он знал, что искать, а постороннему взгляду эта незначительная деталь в глаза не бросалась.

...Доска.

Вынутая земля небольшим холмиком высилась справа от закладки, и Вадим только сейчас понял, что неизвестный ему оперативник действовал грамотно: вынутую землю складывал на расстеленный полиэтилен или тряпку, лишнее унес собой; нигде поблизости не было видно следов песчаного грунта.

Мешок. Вынув его и отряхнув от земли, Вадим довольно точно определил его вес: восемь-девять килограммов. При-

слушавшись к звуку проехавшей по дороге грузовой машины (не остановилась ли?), вынул из мешка первую вещь, потом вторую...

Автомат «галил» был со сложенным прикладом, а снайперская винтовка находилась в состоянии неполной разборки. Вслед за ней Салнынь, не без дрожи в руках, положил в багажную сумку сверток, весивший не меньше пятисот граммов, продолговатую коробочку, в которой вкупе с пластиком угадал инициатор взрыва, небольшой пульт дистанционного управления, четыре круглые батарейки. Машинально открыл заднюю панель пульта: батареек там не было.

Все, что он увидел, настраивало на размышления – но только не здесь. Он обдумает все по пути в Копенгаген. Проверок на дороге Щитомордник не опасался, местные полицейские вообще редко останавливают транспорт, а личный досмотр и обыск машин – дело довольно уникальное.

Возвращаясь с сумкой, перекинутой через плечо, вдруг поймал себя на мысли, что считает шаги. Пятьдесят – пора поворачивать, мигнул ему зеленым заплесневелым веком сероватый валун.

Как ни странно, сейчас Вадима Салныня интересовал один вопрос: под Прозорова ли готовилось оружие? Если следовать канонам спецслужб, то нет. Обычно подобная работа изобилует посредниками, второстепенными звеньями. Однако бывают и исключения, когда операция носит сверхсекретный характер, когда лишний человек – лишняя де-

таль. И еще одно: Щитоморднику показалось – вот только сейчас, когда под правым боком бряцало огнестрельное оружие и взрывчатка, – что тот же автомат в руках Андрея смотрелся бы естественно. Он профессиональным взглядом отметил его военную выправку, твердый голос – не командный, конечно, но не допускающий возражений. И последняя странность. Когда Вадим мысленно одел Прозорова в военную форму и дал в руки автомат, все это стало выглядеть нагромождением: Прозорову шла гражданская одежда... и оружие.

Семьдесят пять, семьдесят шесть шагов...

Щитомордник осторожно начал спускаться с холма. Остановился, когда мимо на высокой скорости проехала легковая автомашина. Скрывшись за миртовым деревом, он не смог определить ее модель.

«Что же ты за птица? – думал возобновивший спуск Вадим о Прозорове. – Его, его, – как-то торопливо скакали в голове мысли, – это его товар». Сейчас бывшему топтуну было бы в сто раз спокойней, если бы сумка была набита урановой рудой.

«На родину не тянет?» – вспомнились слова Прозорова.

Тянет, хотелось ответить.

Там хотя бы и автоматы и взрывчатка казались обычным делом. А тут? Здесь-то кого... шлепать, убирать, грохать, ликвидировать? Ни одно определение не ложилось под девственно-демократичную монаршую Данию.

Не сам Вадим загрузил себя мыслями, а наполненная смертоносным товаром сумка и маячивший перед глазами образ Андрея. Если в этом и был расчет, то он оправдался на сто процентов. Мыслей много, почти все конкретные, но связать их воедино было делом таким же гиблым, как обнаружить службой «НН» и зафиксировать место закладки или изъятия тайника.

Стоя на одном краю дороги, Вадим направил пульт дистанционного управления, нанизанный на брелок с ключами, на «Форд», стоящий по другую сторону. Нажимая на кнопку, Вадим остро ощутил в груди жалобный, тоскливый вой. Он понял, что вскоре произойдет что-то непоправимое, ужасное, но сдержать себя не мог. Словно проверяясь – последний раз в своей жизни, он пошел до конца, дабы быть уверенным во всем. Радиосигнал от пульта пошел и на «Форд», и на инициатор взрыва, лежащий в сумке, – их радиочастота по роковому совпадению была идентичной. Электродетонатор, вставленный в пластит, дал взрывчатке импульс, и Щитомордника разнесло в клочья.

Информация, которая обновлялась каждые полчаса, все четче вырисовывала картину произошедшего в восьми километрах от Нестведе. И спустя сутки, к обеду следующего дня, Антон Альбац мог в деталях воспроизвести ее содержание. Безымянный профессионал, который заставил понервничать и навести самокритику в душе, спускался с холма и задел невидимую радиочастоту. Одним словом, попался на растяжку. Действительно, как он мог заподозрить, что оба пульта работают на одной частоте? Умер Максим, ну и хрен с ним.

Однако настораживала одна деталь, которая, правда, объяснялась легко. Пульт дистанционного управления оказался без батареек – их в количестве четырех штук нашли в радиусе пятидесяти метров от места взрыва: неплохой довесок к «исполнительному механизму» в качестве предметов поражающего действия. Выходит, незадачливый киллер обезопасил себя с одной стороны, но не позаботился о другой? Не хватило времени, чтобы проверить инициатор взрыва? Обязан был провериться. Так или иначе, вина лежала и на нем, и на оперативных работниках СВР, которые обязаны были оставить закладку в полной безопасности.

В чуть насмешливые и уже спокойные мысли Антона инородным телом вклинились слова Штерна:

– Если только это был он.

– Что ты имеешь в виду?

– Кого. Профессионала. Думаешь, он сам рискнул изъять закладку? Я бы на его месте послал на гору какого-нибудь олуха и грохнул по возвращении. Плясать будешь, когда установят личность погибшего. Если он принадлежал спецслужбам, я подыграю тебе на бас-балалайке. – Зяма гнусаво рассмеялся.

Он как в воду глядел. Как так быстро сработали датские спецслужбы, ему непостижимо. И суток не прошло, как была установлена личность пострадавшего: им оказался бывший работник КГБ Вадим Рудольфович Салнынь, последнее время проживавший в городе Киле, Германия. При обыске в его квартире немецкие полицейские обнаружили профессиональное огнестрельное оружие: пистолет специальный «глок», на который не реагируют металлодетекторы, и пистолет-пулемет Стечкина «ТКБ-486», предназначенный для скрытого ношения: прямой коробчатый магазин поворачивался вперед на 90 градусов и оказывался в горизонтальном положении под стволом.

Об этом оружии образца 1955 года Альбац был слышан, но ни разу не видел знаменитый девятимиллиметровый «стечкин», весивший всего килограмм триста граммов, длина которого сокращалась за счет складывания плечевого упора с шестисот двенадцати миллиметров до трехсот восьмидесяти; оружию, из которого можно свободно вести огонь

с одной руки, «по-пистолетному».

Жаль, подумал Альбац, что детищу Игоря Яковлевича Стечкина так и не суждено было стать оружием спецназначения. Он бы расходился не хуже израильского «узи» – на русское «ура». А что, неплохое было бы названьице уникальному автомату.

Антон снял очки, подержал их у лица, сложил дужки и положил в нагрудный карман. С известием об обнаруженном арсенале в квартире бывшего контрразведчика была поставлена последняя точка. Теперь можно успокоиться, хотя бы неделю-другую чувствовать себя в безопасности, точнее, обрести былое внешнее спокойствие и внутреннюю успокоенность. Избавиться от свалившейся на голову проблемы, заняться одними неотложными делами и покончить с другими – экстренными. В частности, отозвать полную боевую готовность борта номер один.

Стало быть, никаких диверсантов, а лишь наемник, бывший комитетчик, работающий на российскую разведку.

10 декабря, вторник

Андрей Прозоров, накануне заплатив за открытие электронного адреса, снова пришел в интернет-кафе «Визит» и, поздоровавшись с Гертом Шлютером, лет двадцати с небольшим, администратором клуба, открыл свой почтовый ящик. «ГОРЯЩИЕ ПУТЕВКИ!» – бросилась в глаза реклама. «Получи в подарок CD». «Проверь почту».

Прозоров приготовил к работе шифровальный микрокомпьютер «Азимут» последней модификации – длиной в две пачки сигарет и весивший не больше куска мыла. «Азимут», который может подключаться к любым линиям и каналам связи, имел контроллер универсальной последовательной шины USB, клавиатуру с русским, латинским, служебным и цифровым набором символов. Узловая информация записана на микрочипах и уничтожается в случае необходимости за пару секунд. Обработанные шифровки в памяти компьютера не сохраняются. Вводимые с клавиатуры сообщения кодируются и декодируются автоматически. Любое сообщение, зашифрованное «Азимутом», в случае перехвата не поддается расшифровке даже с помощью современных компьютеров.

Монитор СТХ, за которым находился Прозоров, имел четыре USB-порта, так что ему не пришлось долго манипули-

ровать, подключая кодировщик к системному блоку. Компьютер нашел новое устройство и определил его как стандартную клавиатуру. Все, теперь можно приступать к работе.

«Оставайся на месте до очередного распоряжения, – читал Прозоров. – Деньги получишь 12 декабря в кафе «Бodega» на Мимерсгэде, в Нёрребру. Выбери дальний столик. С 15.00 до 15.30 к тебе подойдет человек. Он узнает тебя по часам на правой руке и открытому журналу слева от тебя...»

По поводу сорвавшейся операции Прозоров особо не нервничал. Во-первых, сбой произошел не по его вине, во-вторых, он предчувствовал, что вскоре его отзовут, персоной Альбаца займется кто-то другой. Хотя, может, он и ошибался. Во всяком случае, в ближайшие неделю или две в мутной воде ловить было нечего.

Мгновенно отреагировали оперативники СВР в Германии. Но и здесь Прозоров позволил себе усомниться: скорее всего подстава Щитомордника, которому подкинули профессиональное оружие, стояла в ряду подстраховочных мероприятий (равно как и последующее устранение Щитомордника). Оно успокоит клиента, возможно, оставит его на месте, в Дании. Но отсюда следует не недельное ожидание, а скорые действия. Лишь бы на них не погореть, иначе... О последствиях Андрей старался не думать.

Закончив сеанс, Прозоров убрал микрокомпьютер в карман, закрыл программу и на ходу попрощался с администратором интернет-кафе:

– Гу нат.

– Доброй ночи, – отозвался Шлютер, занятый клиентами.

Глава 4

«ЛЮБИ МЕНЯ ПО- ФРАНЦУЗСКИ»

12

Копенгаген, Дания

С резидентом военной разведки Станиславом Серегиным прибывшие в Копенгаген офицеры встретились на привокзальной площади аэропорта. Военный атташе находился в сером «Вольво» с тонированными стеклами. Анатолий Холстов по-хозяйски расположился на переднем сиденье, его спутница устроилась рядом с резидентом и пожала ему руку:

- Привет, Слава! Давно не виделись. А ты растолстел.
- Адреналин гоняешь? – со своего места спросил Холстов.
- Какие гонки, о чем ты!

Резидент ГРУ не каждый день ожидал гостей из Центра, а прибытие начальника отдела и старшего оперативного сотрудника военной разведки – дело особое. За три года работы на этом ответственном посту Серегину лишь раз пришлось «гонять адреналин» – вывозить машинистку британской МИ-6, пожелавшую передать секретные сведения рос-

сийской разведке и сменить страну проживания, в багажнике своей машины. Путешествие, которое продолжилось на пароме, отходящем с узкой косы датского Гесера, и закончилось все в том же «закрытом режиме» в немецком Ростоке, не пошло перебежнице на пользу.

– Саша, поехали, – распорядился Серегин.

Водитель мягко тронул машину с места, и разговор сослуживцев возобновился.

– Что за клоповник нам порекомендовали? – спросила Ухорская, имевшая при себе паспорт на имя Хельги Брунер, уроженки Леверкузена, Северный Рейн-Вестфалия. А Анатолий Холстов – на имя Тиля Фенстера родом из шведского Хельсингборга.

– «Шератон»? – сказал Серегин. – Вполне приличный отель. Кстати, там частенько бывает Борис Роцин.

– Ну вот, ты сразу к делу... Снимает номера?

– Нет, убивает время в ресторане. Там своеобразная атмосфера, хорошая кухня. Хотя дороговато, честно скажу.

– Слава, давай про Роцина, – поторопил резидента Холстов.

– Начну с того, что результаты прослушивания оказались шокирующими.

– Стоп, Слава, – оборвала резидента Ухорская. – Определим круг посвященных – это кто?

– Я и сотрудник научно-технической группы посольства Киселев Саша. Он, кстати, за рулем.

Киселев, молодой капитан, одетый в легкую комбинированную куртку и полушерстяную кепку с коротким козырьком, улыбнулся отражению москвички в панорамном зеркале. Он лично устанавливал звукозаписывающую аппаратуру в машине вице-консула Рощина. По той же причине Серегин выбрал Киселева в качестве водителя, чтобы сегодняшняя беседа прошла в предельно открытом режиме. Серегин придерживался инструкций, полученных из штаб-квартиры ГРУ в Москве: максимально ограничить круг сотрудников резидентуры по делу (в предписании: Рощин – Штерн – Альбац), по которому прибыли в Копенгаген подполковники ГРУ Холстов и Ухорская. К тому же у резидента было не так много возможностей для частых встреч с оперативниками из Москвы.

– А твой зам? – спросила Полина.

– Мой помощник не в курсе деталей. Он знает лишь информативную часть беседы Рощина и Штерна, подготовленную Киселевым для передачи в Центр.

– Причины?

– Отчасти этические, отчасти божеские: не навреди. Отклонение Рощина в цветовом спектре и без нашего участия не пойдет ему на пользу.

– Итого три человека.

– Будем считать, так.

– Поехали дальше. Чего именно ты не ожидал?

– Что Рощин принадлежит к сексуальным меньшинствам,

или меньшинству, не знаю, как правильно.

– Как у него настроение?

Серегин только сейчас заметил, что в беседе не принимает участие Холстов. Сидит, откинувшись на спинку кожаного кресла, и смотрит на проносящуюся за окном панораму Каструпа, изобилующую черепичными крышами уютных домиков, огороженных невысокими заборами, не портившими пейзаж гаражами.

– Ходит как туча, – ответил резидент на вопрос Ухорской, – по утрам наблюдаются легкие симптомы похмельного синдрома: как говорится, в пьянке замечен не был, но утромпил холодную воду. Он и вчера был в «Шератоне».

– А как вообще ты выявил его связь со Штерном?

– Роцин начал сорить деньгами, я попросил своих ребят покататься за ним. Выявили как минимум два постоянных места встречи со Штерном: на Сванеалле – район Фуглебаккен, и на углу Каттегордалле и Видоуревай. Штерна опознали, доложили в Центр, получили директиву установить на машину Роцина звукозаписывающую аппаратуру.

– Какая информация могла заинтересовать Штерна?

– Любая. От расположения кабинетов и представительских залов до перемещения сотрудников посольства. В хозяйстве Альбаца успешно функционируют разведка и контрразведка, без которых немислимы подобные картели. Обмен информацией, короче говоря. Собственно, на пленке этот вопрос был затронут Штерном. Кассета у меня с собой, хо-

тите послушать?

– Обязательно, – категорично заявила Ухорская.

– Саша, включи, – попросил Серегин капитана.

Раскрыв блокнот, резидент протянул собеседнице фотографию. На ней вице-консул российского посольства был запечатлен в три четверти. Темные, слегка вьющиеся волосы, правильной формы нос, ироничные, как показалось Полине, глаза («Как у меня», – отметила она их серо-голубой оттенком), слабо очерченные губы, немного удлинённый раздвоенный подбородок. Лицо у него мужественное, пришла к выводу Ухорская, вглядываясь в снимок и вслушиваясь в голоса, звучавшие из динамиков магнитолы. Один неприятный – окаяющий и картавый, второй – полная противоположность, густой и мелодичный. В начале беседы в голосе Рощина слышался напор, но давление быстро иссякло, когда собеседник российского дипломата открывал перед ним карты-снимки.

Полина попыталась представить лицо Бориса Рощина в ту минуту, но не смогла: перед ее взором стоял образ волевого и уверенного в себе парня, здорово походившего на американского актера Шона Пенна. Особенно в роли Конрада ван Ортона в кинофильме «Игра». О принадлежности Рощина к сексуальным меньшинствам Полина думала меньше всего, то есть относилась к этому факту спокойно.

По наитию она спросила резидента:

– А в связях с женщинами Рощин был замечен?

– Знаешь, ты права, Паша, я просто не успел об этом ска-

зять. Весной этого года мои парни видели его в компании миловидной брюнетки в Аведёре, южном пригороде Копенгагена. Если с умом, – пояснил Серегин, – то можно. Выгодняют за то, что попался.

– Продолжение с той брюнеткой было?

– Наверняка. Роцин поднялся с ней в номер гостиницы. Чисто по-человечески я ему сочувствую, а раньше симпатизировал. А почему ты спросила о контактах Роцина со слабым полом?

– Потому что нам с ним контактировать. Роцин, не замеченный в связях с женщинами, – клиент Толика Холстова. Бисексуальный вариант я беру на себя.

– Чего? – обернулся подполковник. – Мне контактировать с «цветным» дипломатом?

– А куда ты, на фиг, денешься? – усмехнулась Ухорская. – Встретишься с ним и скажешь: «Привет! Я Бой Джордж. Лала». Ладно, Толик, успокойся, Роциным я займусь лично. У меня свои методы и приемы. Слава, скоро приедем? Мне не терпится залезть в ванну. Первым делом – самолеты, ну а «девушки» – потом.

– Если бы не этот долбаный Альбац, плакала бы по Роцину контрразведка, – обронил Холстов.

Настроение у подполковника было неважное.

Борис Рошин допивал вторую бутылку шабли, когда мимо его столика, расположенного в уютной кабинке ресторана, снова прошла элегантно одетая фру. Прямые короткие волосы, достаточно широкие плечи, которые стереотипно заставили российского дипломата заподозрить в незнакомке итальянку, однако матовый аристократичный цвет ее лица больше подходил северянке: норвежке, шведке или датчанке. Но в первую очередь обращали на себя внимание ее стройные ноги, обтянутые телесного цвета чулками.

В отеле «Шератон», расположенном на Вэстербругэде в самом центре города, можно встретить кого угодно. Особенно в холле и здесь, на четвертом этаже, где раскинулся роскошный ресторан, поделенный на секции, отделанные под дерево, где названия блюд в меню значились на трех языках. Рошин сделал заказ на датском, но от этого не изменился ни вкус шабли и черной икры, ни йодистый запах морского салата. Настроение у вице-консула российского посольства было ни к черту, отсюда и такие злые и нелогичные мысли. Нет, он не «заливал горе», свалившееся на него, в противном случае заказал бы вместо шабли водки и пару соленых огурцов на закуску.

«Штерн, сука! Какая же ты сволочь!» Нескончаемые ругательства в адрес сального еврея не ложились на звучавшую

в ресторане песню Дэвида Берна «Like Humans Do», но отражали настроение Бориса. «Я работаю, я сплю, я танцую, я умер», – пел Дэвид. Да, все так, Роцин работал, спал с хорошенькими женщинами и мускулистыми мужиками, осталось станцевать последний танец и умереть.

– Юноша, не угостите даму сигаретой? – прозвучал совсем рядом красивый грудной голос. Действительно, Борис, как говорилось ранее, всегда любил хороший женский вокал, а голос незнакомки прозвучал в меру синтезированно. Наверное, оттого, что слова были произнесены не на «универсальном» английском, а на безукоризненном немецком – языке, который лучше всех ложился на музыку, заставлял понимать смысл не ушами, а телом.

– Битте, фрау, – отозвался Роцин, решив подняться из-за столика: дама стояла в паре шагов от него.

– Ждете кого-нибудь? – Ухорская вытянула из пачки «Мальборо» сигарету и прикурила от зажигалки соотечественника.

«Да», – хотел сказать Борис, чтобы спровадить из кабинета непрошеную гостью, но не осмелился. Она не походила на проститутку, оккупировавших «Шератон», также не было в ее взгляде и раскованных движениях признаков искательницы приключений. А точнее – развлечений. Она казалась загадкой для Бориса, не походила на светскую львицу, случайно забредшую в ресторан; дама в черном вечернем платье и, кажется, не обременена бюстгальтером, подкрашенные рес-

ницы, наложенные тени, полные губы в светло-коричневой помаде.

– Нет, – ответил на ее вопрос Роцин. – Я никого не жду.

Борису показалось, что ее выразительные губы выразили легкую досаду и удивление. Он понял, что его ответ стал причиной ее переменившегося настроения. Что ни говори, ответил он недипломатично: «Я никого не жду». Такой фразой можно и прогнать. Пока он не подумал о том, что дама, назвавшая его юношей, буквально навязывает ему свое общество.

– Пожалуйста, фрау, садитесь. Шампанского? – спросил он, стоя позади Ухорской и пододвигая стул.

Хмель, шумевший в голове вместе с ненавистной фамилией Штерн, стал выветриваться, тому способствовала улыбка гостыи. Она отчего-то напомнила Роцину его мать, красивую моложавую женщину; несмотря на вечерний туалет, в Ухорской угадывалась строгость. Что еще? Если бы Борис смог лицезреть Полину Аркадьевну в форме с погонами подполковника ВВС, сидящую за столом в одном из кабинетов Главного разведывательного управления, то увидел бы больше: властность и неприкрытую иронию в ее красивых глазах.

Подзывая официанта, Роцин подумал: «Уникальный случай». Подумал в ущерб себе и тут же помрачнел лицом.

– Человек, которого я жду, так, видимо, и не придет. – Полина стряхнула пепел и положила локоть на стол. – Поганое настроение. Почему вы один?

– Так я отдыхаю от работы. – Борис сопроводил слова неопределенным жестом руки. – Большой коллектив, суета, шум.

– Вы работаете в банке, – констатировала Ухорская.

Рощин понял ее: глаза, которыми женщина выразительно обвела сервировку стола, намекали не на мотовство, но указывали на обратное – бережливость или экономию.

– К сожалению, не часто приходится бывать здесь. Пару раз в месяц. – «Зачем я оправдываюсь? – думал Рощин. – Какое мне дело до ее намеков? Пусть угощается шампанским и убирается к дьяволу. Поджидает своего друга с кем-нибудь еще, только не со мной. Не хватало появления ее дружка именно в эту минуту».

Рука Бориса, потянувшаяся к бокалу, дрогнула. Поздно-вато, но он все же подумал о провокации. Что, если это снова происки ублюдка Штерна? Если да, то изощренные донельзя. Эта тварь могла специально подослать дамочку, чтобы в очередной раз поиздеваться. Только поиздеваться, унижить, еще раз показать ему его место в этой жизни с позиции своего положения хозяина на этом праздничном европейском базаре.

«Господи, какой бред я несу...»

Однако, поднимая бокал, бросил взгляд на сумочку незваной гостьи. Явно новая, плоская, сделанная из полированной кожи, она была полуоткрыта. Если там диктофон, пусть записывает всякую дребедень.

Кентавр.

Опять это слово всплыло в голове Рощина и трансформировалось в уродливое и похотливое создание, не гнушающееся ничем.

– Zeit zu leben, Zeit zu sterben (Время жить, время умирать), – с этими словами, произнесенными в стиле короткого спича, Рощин залпом выпил бокал шампанского.

– Простите?

– Не хотите потанцевать? – издевался над собой Борис, словно после этого предложения он действительно вознамерился удавиться.

Держа одну руку на талии партнерши, а другую на ее спине, он, внезапно захмелевший и от порции шабли, и от своего смелого поступка, жаждал увидеть растленные глаза проституток, их пальцы, указующие на него, услышать их дикий смех, похожий на ржание неоднократно объезженных кобыл. Вряд ли кто-то, кроме нескольких мужчин, окидывающих оценивающим взглядом стройную фигуру Ухорской, обращал на танцующую пару внимание: видный парень, красивая женщина. Болезнь, обостренная жестоким выпадом Штерна, прогрессировала на глазах. Жизнь – дерьмо, судьба – сука, бога нет.

– Поднимемся ко мне в номер?

– А почему бы нет! – Рощин прятал свои покрасневшие глаза: жизнь для него заканчивалась в объятиях женщины. Пусть хоть конец выйдет логичным.

Он так и не разобрался: его самобичевание на грани безумства происходило на фоне дум о матери или на фоне собственной персоны? Наверное, все же больше переживал за мать, мучительно пытаясь представить ее состояние; Штерну плевать на все, он не связан с дипломатом никакими обязательствами, уже завтра фотографии, сделанные в отеле на Ньёрре Вольдгаде, могут появиться на «доске почета» в МГИМО.

Где, у кого искать помощи? Как найти хотя бы моральную поддержку? И где та пресловутая надежда? Нет ее! Дешевка! Против всех правил, она умерла первой.

Ухорская предложила Рошину подняться по лестнице. Они прошли мимо лифтов: она чуть впереди, он немного сзади. В руке кейс, в нем – бутылка коньяка.

В номере Ухорской, едва они переступили порог, на Рошина обрушились есенинские строки: «Сумасшедший, что я делаю! То целую эту правую, то целую эту левую». Широкий вырез платья позволил Борису обнажить плечи женщины, ее грудь. Боже, как он хотел ее!.. Он то ли терял рассудок, то ли тот запоздало, но возвращался к нему. Он подхватил полуобнаженную женщину на руки и отнес на кровать. Нашел ее губы – как ему показалось, благодарные, они отвечали на его горячие поцелуи. Ее слегка подрагивающие руки умело справились с ремнем, расстегнули «молнию» на брюках, сжали его обнаженные ягодицы, опустили на бедра. Борис опрокинул Полину на живот, освободился от брюк,

лег сверху и, слегка покусывая ей шею, держал за руки. Она стонала под ним, хотела его, но Рощин не спешил. Его пьянил запах ее тела, он чувствовал его вкус, проводя языком между лопаток и спускаясь все ниже. Ее тело казалось музыкальным инструментом, и он играл на нем умело и вдохновенно; когда нужно – настраивал. Его нежные пальцы и губы не оставили на нем ни одного свободного места.

Их пальцы снова встретились, когда Борис перевернул Полину на спину и положил ее ноги на сгибы своих рук...

11 декабря, среда

Рощин проснулся в начале шестого. Положив голову ему на грудь, рядом лежала женщина. И тоже не спала. Ночник освещал ее чуть бледное лицо, без макияжа она выглядела по-другому, совсем юной, что ли. Она улыбнулась и слегка прикрыла глаза, когда Борис, откинув одеяло, коснулся ее плеча, провел рукой по руке, несильно сжал ее пальцы, тронул губами ее влажные волосы. «Ты была в душе?» – хотел он спросить и получить ответ: «Ага». Снова спросить: «А почему без меня?» – «О-о... Совсем забыла».

– Ты что-то сказал?

– Я? Нет.

«Хочешь выпить?» – «В пять утра?!»

– Я вижу. Твои губы. Что-то. Говорят. Мне.

Полина легко высвободилась из объятий Рощина и накинула халат. Ей было немножко жаль этого парня, но... их ночь закончилась. Завязывалось утро, за ним слышалась тяжелая поступь дня с суровой обыденщиной.

– Ты так и не спросил, как меня зовут.

– Кэтрин? – попробовал угадать Борис. Ему почему-то хотелось, чтобы ее звали именно так.

– Нет.

– Карина?

– Уже ближе... Ладно, не гадай. Меня зовут Полина Аркадьевна, – перешла на родной язык Ухорская. – Я подполковник ГРУ. В школе меня звали Чиполиной. Много слез я выбила из одноклассников.

В глазах Рощина помутнело. Он отчего-то видел себя на больничной тележке: обнаженного и со скрещенными руками, его везут по длинному коридору, в конце которого стоит неясная фигура женщины. Приехали. Операционная. Хирурги в военной форме точат за стеклянной перегородкой огромные скальпели.

Подполковник ГРУ. Ничего страшного – даже в постели с ней. Офицеров военной разведки полно и в посольстве. Они не кусаются. Они не контрразведка. Еще вчера вечером он связал появление этой женщины с коварством Зиновия Штерна. И все по одному и тому же делу, от которого вновь зажглись проклятые лампочки за щеками. И как прикажете отделить одно коварство от другого, обнаженного и трепетного, послушного и благодарного? Все в одни ворота.

«Ты была в душе?» – «О-о... Совсем забыла».

Сбросив оцепенение, Борис нарочито медленным движением укрылся одеялом.

Нет, все-таки жаль его, качнула головой Ухорская, подходя ближе. Но резать придется.

– Слушай меня, мой милый мальчик, – мягко начала она, постепенно набирая обороты. – У тебя куча проблем. Одну из них сегодня ночью мы удачно решили. И другие, надеюсь,

решим. Я не собираюсь давить на тебя, я просто делаю тебе предложение: ты работаешь на меня, а я на тебя. Если ты не согласен, то проваливай ко всем чертям.

– Вы...

– Называй меня на «ты», как прежде. Мне это подходит.

Роцин не знал, что сказать, и зацепился за одну фразу Полины.

– Ты сказала, что согласна работать на меня. Как это понимать?

– Я хочу получить от тебя качественную информацию, и, чтобы быть до конца уверенной в ней, мне придется... Не перебивай меня! – Ухорская пресекла попытку Роцина оборвать ее. – Мне нужно качество, понял? Вот за него я должна побороться. Что скажешь насчет неких негативов, которые есть у Штерна?

– Откуда ты...

– Я из ГРУ. – Ухорская, помогая выразительным движением бровей, лаконично прервала Роцина. – Я знаю больше тебя и Штерна, вместе взятых. Давай, давай, приходи в себя, спрашивай, настаивай, требуй! Учить тебя?

Роцин мотнул головой и сказал себе: «Ладно. Буду настаивать, требовать».

– Мне нужны гарантии, что с негативов, которые ты обещаешь достать, не будут сделаны снимки.

– Дорогой мой, думай, о чем говоришь! Конечно, сделаем. Конечно, отправим на хранение – временное или нет, будет

зависеть от тебя. Ты где предпочитаешь их хранить, у Штерна или у нас? Какой банк ты выбираешь, отечественный или иностранный?

– Сука! Ты такая же, как Штерн.

– Да, я сука. Но я лучше Штерна, – похвалила себя Ухорская. – А теперь скажи себе: «Пора соглашаться» – и начинай сотрудничать со мной.

– Кто еще знает о снимках?

– Открыто можешь улыбаться всем, кроме Серегина и Киселева.

– Так, понятно... Зачем все это? – Роцин обвел глазами мятые простыни. Получилось, как у Ухорской, когда она в ресторане окинула взглядом сервировку стола. «Так я отдыхаю от работы. Большой коллектив, суета, шум». О-о – громадный коллектив, «большая родня».

– Сто причин, – ответила Ухорская, пожимая плечами. Ему не обязательно знать, что он взволновал ее в первые минуты их знакомства. Поймет ли он ее, женщину? Вчера он понял ее руками, на ощупь, читал пальцами ее желания, разгадывал губами все ее тайны. Как об этом сказать? Да и не нужно. – Сто причин, – повторила она. – Одна из них: ты симпатичный парень. Ты мне сразу понравился. Потом – еще больше. Ты знаешь, что нужно женщине. Ты – один из тысячи. Я серьезно. – Она опустилась на кровать. – Иди ко мне.

Она была похожа на кошку, которая, мурлыча, позволяет самцу приблизиться, а после показывает зубы и выпускает

когти. И, заигрывая, снова подзывает самца.

У Рощина голова шла кругом. Утренние ласки этой женщины превосходили, казалось ему, все, что было ночью. Она открывала ему объятия и дарила надежду. Нет, она не умерла, она притворилась мертвой. И он вдруг, словно слыша мысли Полины о своих руках и ее желаниях, но ничего не находя в них про слова, восполнил этот пробел, прошептал ей на ухо:

– Я люблю тебя.

Эти слова были для нее, и только для нее.

Она ответила ему горячим шепотом:

– Учти... я тебе это припомню.

Холстов назвал шаг Ухорской, решившей идти на прямой контакт со Штерном, полным безумием.

– Я отвечаю за операцию, – надавил он, гоняя желваки.

– Половинка моя, – усмехнулась Полина, – мы оба в ответе за все. А теперь вспомни все, что касалось контакта с Роциным. Что ты сказал, ну? Что тебе, мужику, претит идти на контакт с «цветным» дипломатом.

Ухорская сидела в кресле, одетая в атласный янтарный халат. В одной руке стакан с апельсиновым соком, в другой дымящаяся сигарета, взятая из пачки «Мальборо», оставленной Роциным. На журнальном столике, пристроившимся между кресел, стояла початая бутылка коньяка, две рюмки и фрукты в вазе.

– Ты когда-нибудь доиграешься, – предостерег напарницу Холстов, словно предвидел будущее. – Сама-то ладно, других за собой потянешь.

– Не кипятись, Толик, я только предложила. Будем руководствоваться данными, полученными от Роцина.

– Как ты можешь быть уверенной в нем? Посмотри на себя, ты в себе-то не уверена. Я лично запрещаю тебе всякое самовольство. Ей-богу, я уже начинаю жалеть о нашей совместной работе.

Полина выпустила в сторону Холстова облако дыма.

– Знаешь, одному я уже сказала: не нравится, катись ко всем чертям. Ты прав: ты старший. С тебя спрашивать будут. А я постою в уголке и послушаю, чем ты будешь отбиваться. Но запомни: если ты сделаешь ссылку на то, что тебе в напарники досталась женщина, я набью тебе морду прямо в кабинете шефа. Проваливай, мне нужно одеться. На будущее: в следующий раз принеси цветы в номер.

– Что толку?

Холстов, идя по коридору, еще долго слышал хрипловатый смех, доносившийся из комнаты вульгарной особы. Она сказала Рошину: «Катись ко всем чертям»? Не верится. Что-то долго он катился, выкатился лишь под утро и, ничего не подозревая и, похоже, ничего не видя, прошел мимо бдящего в оживающем холле «Шератона», построенного американцами, подполковника Холстова.

Издержки оперативной работы.

Глава 5

ЖЕРНОВА

16

Москва

Собираясь в дорогу, Алексей Хайдаров отчего-то остро пожалел, что складывает вещи в дорожную сумку, а не в вещмешок. И еще об одном пожалел, что расстался с командиром части на повышенных тонах, а с временными подчиненными вообще не попрощался. Собственно они ему никто, он вообще никого из них никогда не увидит. Может быть. Досадовал на себя, на то, что в его жизни что-то сложилось не так. Он не завидовал другим, более устроенным в этой жизни людям – своим одноклассникам, к примеру, большинство из которых стали так называемым средним слоем населения. Ездят на средних машинах – в основном джипах, живут в таких же усредненных квартирах. А у Хайдара даже квартиры нет, лишь комната на Южнопортовой. Жены нет. Была. Алексей называл ее Дезинфекцией. Ходила, как Майкл Джексон, берегла себя то от солнечных лучей, то от лютого мороза. Массажи, кремы, журналы, тряпки... Тьфу!

Подчиненные.

Временные подчиненные.

Он кто, командир полка, чтобы выстраивать их и прощаться? Да они рады до чертиков, что сгинул наконец-то старший инструктор-чурка и даже ручкой не помахал. И вообще, чего он добился от них и что дал им за месяц своей работы с ними? Да ничего хорошего! Вот если бы он был в штате, да на полгода их в его личное распоряжение. А так... Ну просто заменил кого-то. И то по злобе.

Нет, такими методами да с такими подходами настоящих спецназовцев не слепишь. Он вроде бы показывал им свое пренебрежение, смотрел свысока, напрочь забывая, что он офицер, давно уже офицер, а не сержант-инструктор. Просто когда попал в забытую обстановку, поспал денек-другой в роте – и почувствовал себя ни рыбой ни мясом.

Так, наверное.

В противном случае он бы провел с бойцами месячишко в тренировочном лагере, расположенном в густом лесу неподалеку от непроходимого болота. Где рядом был заброшенный промышленный объект, участок железнодорожного полотна с мостом. Где нет даже палаток, а лишь землянки – жилые, для проведения занятий, и штабная, с заминированными подходами к базе, куда можно безопасно попасть лишь по хитрой системе «улитка».

Алексей вздохнул. Сейчас ему было стыдно даже за прогон по «тропе разведчика», который он устроил перед своим дембелем. И это слово как раз подходит сюда. Прогнал по

тропе второй взвод, второе отделение которого накануне побывало в морге, по всей полосе без учета времени. А сам стоял за пулеметом, установленным в непосредственной близости от «мышеловки» – низкого ограждения из колючей проволоки длиной около тридцати метров, под которой должны ползти будущие разведчики.

Но до этого серьезного препятствия были дощатые заборы. Вообще-то курсанты неплохо справлялись с препятствиями: дощатые и проволочные заборы преодолевали одним махом, ныряли в пролом в стене и тут же взбирались на полуразрушенную стену здания. Лестничный марш, прыжок с бетонной стены, преодоление каменного забора и двойной стены. И все это в хорошем темпе. Только точных бросков ножей по мишеням для метания не получилось – до этого курсантам пришлось продираться через нагромождение бревен и труб; многие падали, стонали от боли, но шли. А куда им деваться?

Отметав по мишеням, поперли на семиметровую бетонную стену, гладкую, как живот бегемота. А за ней яма с водой (специально воду кипятили, чтобы не замерзла), через которую переброшены бревна. Упал с бревна – в воду. А после «мышеловка». Пулемет на турели был укреплен так, что пули летели впритирку с верхней кромкой «мышеловки». Ползут курсанты в этом «колючем» пространстве, а над головой свистят пули. Привыкают к боевой обстановке.

Слава богу, прошли и это препятствие, впереди – трап с

перилами и очередной «сюрприз»: только кто-то из курсантов добирается до каната с перилами, как внизу раздается взрыв, имитирующий боевую гранату. Один сорвался, второй; снова лезут на трап, чтобы добраться до тросовой горки с подвижной кареткой. И чем дальше углубляются они по «тропе разведчика», тем интенсивнее имитация взрывов, пожаров, шума боя, то тут, то там попадаются мины-ловушки и прочие сюрпризы вроде скрытой петли, называемой «спотыкачом».

Вот неплохое место – канализационная сеть и водосточные трубы под участком железной дороги, и снова мишени для метания ножей. Отметался – и на железобетонный мост, прошел его – и перелезай через кованую изгородь с острыми пиками – как хочешь, так и перелезай через высокую ограду. После наклонных лестниц для передвижения в висе на руках – траншея, из нее на полигон – проверка оружия и стрельба по мишеням.

Чувства удовлетворения никакого, пришел к выводу Алексей, застегивая сумку. Вот разве что из пулемета пострелял.

Когда он закрывал дверь, пожилая соседка, выглянувшая из кухни, спросила:

– Ты куда, Леш?

А он возьми и ляпни правду:

– В Ирак, тетя Клав.

Тетя Клава на кухне басовито рассмеялась. Она-то знала,

что сосед ее работает вахтовым методом в Нижневартовске. И не загорелый он вовсе, а просто смуглый от природы. Рассказывал, что в детстве его киргизинном дразнили. Киргизин он и есть. Широкоплечий и приземистый, остроносый и широкоскулый, глаза как оливы. Даже музыку слушает преимущественно восточную.

Не набожная, а скорее суеверная соседка, как всегда, напутствовала Алексея:

– Задом, задом из двери выходи.

Это для того, чтобы вернуться в дом.

Хайдаров отмахнулся и вышел передом.

То было неделю назад.

Копенгаген, 12 декабря, четверг

Как всегда по утрам, Полина пробежала глазами заголовки газет, сегодня это были «Die Harke», «Maerkische Oderzeitung» и «Suedwestpresse». Один заголовок, как и все, набранный готическим шрифтом, привлек ее внимание прежде всего упоминанием двух стран – России и Ирака. «Грядет ли очередной скандал?» – вопрошал подзаголовок. Ухорская внимательно прочла небольшую статью немецкого журналиста-международника Клауса Кауфмана.

«Из официального источника, пользующегося доверием, стало известно о том, что правительство Ирака скрывает на своих секретных объектах российских ученых, специалистов в области химии. Скандал разгорается на фоне предложений главы ЮНМОВИК (комиссия ООН по разоружениям) Ханса Бликса иракским ученым покинуть страну вместе с семьями. Г-н Бликс руководствуется положением устава ООН, который дает право военным миссионерам вывести иракских ученых за пределы Ирака.

Информированный источник не связывает эти события, но связь между ними явно присутствует.

Как всегда, стандартным и скупым ожидается ответ из МИДа России. В правительстве Ирака информацию о российских ученых-химиках, якобы находящихся на одном из

иракских секретных объектов, категорически опровергают.

Будем ждать реакции на эти события европейского сообщества и союзников в силовой акции против режима Саддама Хусейна...»

Корреспондент-скандалист знает свое дело, пришла к выводу Ухорская. Он, говоря штампами, посеял зерно сомнения и ждал всходов. Порой не нужно иметь ни информированного источника, ни пользующегося доверием лица в правительстве, главное – воображение, способное выдать любую, даже самую бредовую, версию. Скорее всего, статья Клауса Кауфмана – заказ неких структур, заинтересованных в раздувании скандалов, не улучшающих отношений России с Евросоюзом и отдельными странами. Чаще всего такие заметки приурочены к резонансным международным событиям: саммиты, встречи, переговоры и так далее. Общество обычно чутко реагирует на информацию скандального толка, в дело включаются социологические институты и через прессу выдают статистику – рынок, биржа, на которой акции одних падают, а других – поднимаются в цене. Это вне зависимости от характера переговоров, которые могут иметь как политические, так и экономические мотивы.

Однако заметка немецкого журналиста наталкивала на размышления, то есть заставила Полину Ухорскую предположить, что некая группа российских ученых действительно выполняла какую-то работу на иракских объектах. Пусть даже связанную с самым безобидным (читай: гуманным) видом

деятельности из области химии: утилизация (уничтожение) химического оружия. Однако к Ираку такой термин неприменим. Заметание следов – вот что напрашивалось сюда в первую очередь. В этом случае скандала не миновать. Даже не встанет вопрос, каким образом россияне оказались на секретных объектах (они – инструмент, а мировое сообщество и политические – а в данном случае и военно-политические – силы заинтересуются управляющими рычагами).

Кому это на руку? Даже внутри самой России найдется немало тех, кто наберет политический капитал на грядущем скандале, не говоря уже о международных структурах и отдельных государствах, жаждущих вернуть России те пинки, которые она последнее время успешно раздавала строптивым странам Европы.

Скандала с девятью россиянами, непосредственными участниками движения «Талибан» и активными членами «Аль-Кайды», содержащимися на американской базе Гуантанамо на Кубе, не получилось: терроризм не имеет национальности. А международный, выходит, не имеет еще и родства. Сошло с рук? – вертелся на языке вопрос. Отчасти да. Но он отпал, как хвост ящерицы, после теракта на Дубровке. И если версия немецкого международника Клауса Кауфмана хотя бы отчасти найдет подтверждение, России припомнят и этих девятих террористов с Острова Свободы. Ей припомнят все. Ее назовут очагом заразы, эпидемии, чревом с каким-нибудь сочным эпитетом, откуда торчат ноги меж-

дународного терроризма и всемирной угрозы. Это, конечно, очень серьезно. Политические и экономические последствия для России могут оказаться катастрофическими.

Ухорская отложила газеты – в общем и целом информация оказалась однобокой. Впору заподозрить периодические издания в антироссийской направленности. Однако даже не искушенный в политике человек сможет найти объективную оценку и сделать соответствующие выводы. Это как смотреть наше СТВ, сделала заключение Полина. Если новости на этом канале грозят катастрофой, то еще можно жить.

Заведующий консульским отделом подполковник СВР Вячеслав Лучкин вызвал к себе в кабинет помощника. Борис Рошин явился через пару минут, сел напротив шефа и положил ногу на ногу.

– Сейчас, – заместитель резидента копался в бумагах, – обожди.

Лучкину было тридцать четыре года. Невысокий, нервный, всегда при галстукe, он пропах табачным дымом, стелящимся над его широким столом. Такое чувство, сопоставил Рошин, что до него здесь побывала гаванская делегация.

Лучкин открыл ящик стола, вынул пачку датских крон³ и американских долларов. Бросив взгляд на настенные часы, отдал помощнику распоряжение:

– К трем часам поезжай в Нёрребру. На Мимерсгэде есть кафешка под названием «Бодeга». Был там?

– Пока нет. А что, там хорошо кормят?

– Кормят везде одинаково. На, держи, – консул пододвинул деньги на край стола.

– Здесь хватит только на обед, Вячеслав Семенович, – Рошин взвесил деньги на ладони, – а я хотел еще и поужинать. Как насчет чаевых официанту?

– Ладно, остряк, ты снова покори́л мое сердце. С трех до

³ 10 датских крон равны примерно 1,5 доллара США.

половины четвертого в кафе будет находиться один человек, деньги отдашь ему. Узнаешь его по часам на правой руке...

– Господи! – перебил шефа Рощин. – Неужели наш президент вернулся на оперативную работу?!

Лучкин с минуту тревожил своим пронзительным взором подчиненного.

– Слева от него будет журнал. Перепутаешь и отдашь деньги другому, отработаешь сверхурочно, – ответил консул тяжелой шуткой. – Приедешь, напишешь рапортчку. Все понял?

– Так точно, Вячеслав Семенович, – по-военному ответил Рощин.

– Стой! Чуть не забыл. Сбил ты меня своими остротами. Скажешь тому человеку, чтобы сменил адрес электронной почты, а новый пусть немедленно сообщит сегодня до шести вечера.

– Мне?

– Не тебе. Все, гуляй.

Рощин вышел из посольства – белого особняка, обнесенного высоким металлическим забором, с маленьким двориком, трехэтажным флигелем, где располагалась школа и жилые помещения. Сев за руль своего «Опеля», Борис поразмыслял, доложить ли об этом рядовому, что ли, заданию своим новым боссам. Точнее, боссу, с которым ему еще предстояло познакомиться, и леди-боссу. Леди велела докладывать о любых, даже самых незначительных, поручениях Луч-

кина, стоявшего за операцией по закладке оружия. Время позволяло, и Роцин решил заехать вначале на Вэстербругэ-де и поговорить с Ухорской, а уже потом из центра податься в Нёрребру.

Из дворика посольства вице-консул повернул направо и выехал через ворота.

Ухорская встретила Роцина в своем номере. Прошло чуть больше суток с тех пор, как они расстались. Поцеловав любовника в щеку, Полина больно дернула за пучок волос на его затылке.

– Подстригись, – строго сказала она. – Что случилось?

– Получил задание от шефа передать деньги одному типу, – сказал Борис, устраиваясь в кресле и стараясь держаться раскованно.

– погоди, я позову Толика.

Через минуту в номере появился Холстов: в рубашке с расстегнутым воротом, брюках и с газетой в руке.

– Прокатимся, посмотрим на него? – предложила Ухорская, выслушав Роцина.

То была зацепка, которой грех не воспользоваться. Оперативники ГРУ проделали колоссальную работу, действуя быстро и осторожно. И вот вывод, к которому пришли аналитики военной разведки: покойный Вадим Салнынь по кличке Щитомордник, бывший работник «семерки», не годился на роль исполнителя. Проще говоря, он боялся своей безопасной бритвы. А вот как посредник в делах закладки и об-

наружения тайников подходил вполне.

Консультанты не ограничились этим и пошли еще дальше, выдвинув интересную версию: исполнитель намеренно оставил батарейки в инициаторе взрыва, чтобы буквально похоронить киллера, у которого впоследствии дома обнаружился целый арсенал оружия. Этот ход позволял истинному исполнителю действовать свободно, но быстро. То есть он пользовался затишьем, которое было ему на руку.

Эту версию и Ухорская, и Холстов отмели: слишком она сложна, хотя и интересна. С другой же стороны, она и сработала. Сейчас неизвестный киллер оказался в ситуации, прочитанной в штаб-квартире ГРУ, за одним исключением: у него не было оружия и, возможно, документов и денег. Все же в «Аквариуме» работали головастые люди.

И Ухорская – сама неплохой аналитик – буквально вцепилась в деньги, которых у киллера могло не оказаться и которые, возможно, он должен получить от оперуполномоченного СВР Рощина.

– Опять ты лезешь на рожон, – воспротивился Холстов. Невольно он сравнил ее с майором Лекаревым, который торопился жить. Вот и Полина гнала лошадей так, словно дни ее были сочтены.

Ухорская не слушала товарища, она снова сосредоточила свое внимание на Рощине.

– Слушай, а на словах Лучкин ничего не просил передать?

– Нет, только деньги. – Как и замрезидента, вице-консул

чертыхнулся. Наверное, сработала привычка анализировать беседу от начала до конца. – Тому человеку надлежит сменить электронный адрес, а новый передать, видимо, своему шефу.

– Кто он, нелегал?

– Не знаю. Я сам на нелегалке сижу. Может, узнаю его из тех, с кем мне приходилось контактировать. Хотя вряд ли. Лучкин не стал бы делать из этого тайны.

– Я предлагаю следующее, – выступила леди-босс. – Нам так и так форсировать события. Боренька, садись за стол, пиши записку следующего содержания: «Товар возьмешь в номере 505 гостиницы «Шератон» сегодня в 16.00». Не дадим этому сукину сыну ни провериться, ни сменить адрес. Хер ли нам, молодым, не рисковать? Расколем его в две секунды.

– А если он не имеет отношения к ликвидации Альбаца? – спросил Холстов.

– Нутром, – Ухорская взялась за низ живота, – нутром чую: он это.

– А если нет? – упорствовал подполковник. – Как и чем будет отбрехиваться Борис? «Что за товар?» – уже завтра спросит его Лучкин. Он потянет леску и вытянет нас с тобой.

– Тогда сделаем по-другому, – вывернулась Ухорская. – Напишем записку иного содержания: «Встретимся в номере 505 гостиницы «Шератон». Сегодня в 16.00». Вот и все. Борис не будет вручать ее отдельно, а сунет вместе с пачкой денег – якобы случайно она попала туда из кармана.

– Запуталась в подкладке, да? – съязвил Холстов.

– Дай договорить. В случае прокола Борис легко отбрешется: мол, записка предназначалась ему от некой фрау Брунер, которая действительно проживала с такого-то по такое-то число в номере таком-то. Это легко выяснить. А я съеду отсюда сегодня же. И записку я напишу своей, женской рукой, очаровательной вязью, надушу ее, оставлю отпечаток своих губ. Ну, мужики, вы на сторону не ходили, что ли? Учить вас, как выворачиваться? Холстов, смотри мне в глаза.

Холстов смотрел на Рощина, агента, которого они могли потерять. Но что толку беречь его, какая от этого польза? Наверное, права Полина, подумал он и дал согласие.

Борис пожал плечами, понимая, что его голос никакой роли не сыграет. Немного задержался на этой теме и подумал, что Полина имеет право вето, а ее напарник – нет.

Отложив в сторону газету, Андрей Прозоров проводил глазами парня лет двадцати шести. Тот прошел к стойке, заказал себе кофе, бутерброды с ветчиной и семгой. Оглядевшись, он занял место через два столика от Прозорова и стал с аппетитом есть. Андрей демонстративно посмотрел на часы, вздернув правый рукав куртки, и снова взялся за чтение газеты.

Прикончив бутерброд с ветчиной, Рошин принялся за другой. Прихлебнув кофе, огляделся, вытянув шею, и остановил взгляд на журнале, лежащем по левую руку от Прозорова.

– Простите, – по-датски обратился он к нему, – можно попросить у вас журнал?

Прозоров молча указал на иллюстрированный еженедельник и далее не смотрел на одетого в серый костюм оперативника внешней разведки.

Рошин поблагодарил его и, опершись локтем о край столика, начал листать журнал мизинцем, дабы не испачкать его жирными пальцами.

«Что он, действительно проголодался?» – спрашивал себя Прозоров, видя, что оперативник вернулся от стойки с третьим бутербродом и второй чашкой кофе. И, как назло, ел он заразительно аппетитно: не чавкал, конечно, но широко и

энергично раскрывал рот. Обычно так бывает, когда ты поглощен каким-то делом и не замечаешь ничего вокруг. А он толковый опер, невольно похвалил его Андрей. И поставил ему высшую оценку, когда Рошин вернул ему журнал: в середине его явно что-то находилось. Когда и каким образом тот успел переложить в него деньги, для Прозорова осталось загадкой.

Те двадцать минут, что он провел в кафе после ухода Рошина, не прошли впустую: Андрей съел два бутерброда и запил их кружкой пива. «Чертов опер!» – шутливо ругался он. Бросив смятую салфетку на пустую тарелку, он раскрыл журнал... и рука его остановилась на полпути: поверх пачки денег лежал клочок бумаги:

«Сегодня встречаемся в отеле «Шератон». В 16.00. Номер комнаты – 505. Прошу Вас, не опаздывайте. Назовите портье имя Арне Йёргенсен, и Вас пропустят».

Андрей потер кончик носа и с недоумением уставился на свои пальцы, которыми он дотрагивался до записки: от них исходил тонкий аромат духов. «Где он взял эту бумагу?»

Прозоров бросил взгляд на часы: без пяти три. За час ему нужно было добраться до центра.

И снова он взгляделся в ровные строчки, написанные, как ему показалось, женской рукой. Черт, снова выругался Андрей. Вдруг эта записка адресована не ему, а попала вместе с деньгами случайно? Этот обжора действовал так стремительно, что мог вывернуть свой карман. Шалун чертов! Вот

и гадай.

Однако на гадания у Прозорова оставалось максимум десять минут.

Поднявшись на лифте на пятый этаж, Андрей первым делом подошел к портье, миловидной женщине лет сорока, одетой в розовую кофту. «Назовите портье имя Арне Йёргенсен», – всплыли в голове строки. «Только хер его знает, кто это Арне Йёргенсен, я или тот, кто писал записку». Прозоров не стал мудрить и просто сказал два слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.